

The book cover features a man in a black suit and a pregnant woman in a white lace dress. The man is in the foreground, looking intensely at the viewer, while the woman is in the background, looking down at her belly. The background is dark with red lanterns.

АННА
Тюр

Фасцинация
ДЛЯ ЗАУРА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Анна Гур
Наследник для Заура
Серия «Одержимые», книга 9
Серия «Тайные наследники
миллиардеров», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69464782*

Аннотация

– Беременная значит, – рявкает восточный мужчина.

Сердце заходится в груди от чувств, когда Заур проходит вперед, берет снимок УЗИ со стола, рассматривает, затем переводит грозный взгляд на врача.

– У... нее двойня... – сразу же выдает в страхе женщина, – мы как раз решали...

– Аборт делать? – перебивает.

– Я... не...

Хочу сказать, что никогда бы не навредила своим малышам, но он не дает мне ответить. Нависает.

– Даже не думай! – рычит грозно.

Сдергивает меня со стула, заглядывает в мои ошарашенные глаза. Злой сейчас. Лютый. Но все равно красивый. Ноздри трепещут, выдавая настрой моего единственного мужчины.

– Отпусти! – брыкаюсь, пытаюсь сопротивляться, но восточный мужчина слишком силен, цепляет меня в кольцо своих рук:

– Двойня – моя. Мои наследники. Рожать будешь! Пошли.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	55
Глава 5	69
Глава 6	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Анна Гур

Наследник для Заура

Глава 1

Даша

– Тест на беременность положительный.

Спокойно произносит гинеколог. Киваю заторможенно. Солнечный свет из окна позади сидящей за столом полной женщины на мгновение ослепляет, вызывает резь в глазах.

– Да, – отвечаю робко, не знаю, куда себя деть, но женщина с цепкими карими глазами лишь внимательно проходит по моей фигуре, останавливает взгляд на животики, который, как мне кажется, начал слегка выпирать.

– Давай документы.

Подгоняет меня, отдаю необходимое, начинает шуршать листами и опять поднимает на меня недовольный взгляд.

– Дарья Владиславовна, по анализам тоже все сходится. УЗИ как раз по срокам пора делать. Ну не сиди изваянием, у гинеколога, что ль, ни разу не была?!

Подначивает женщина, а я не знаю, улыбаться мне ее шуточкам или плакать. Плакать хочется больше. Ком в горле

застыл от страха.

– Так, Васильева, быстро прошла за ширму и разделась. Белье тоже снимай! – подгоняет и я, встрепенувшись, иду в указанном направлении, бережно стягиваю юбку, немного копошусь, стыдно простые хлопковые трусики снимать.

– Давай-давай! Чего я там не видела?! – неожиданный голос в спину заставляет вздрогнуть, оборачиваюсь на полную низкорослую женщину в белом халате. – Давай, да поживее, перед мужиком своим тоже так же ломалась или залет по воздуху произошел?

Не нравится ни тон женщины, ни манера общения, но делать мне нечего. Денег нет. Обычная консультация городская единственно, что могу себе позволить, поэтому зубы сцепляю и ложусь на кушетку.

– Ноги в коленях согни, Дарья Владиславовна! – опять указывает женщина и берет в руки прибор, который вызывает у меня страх.

– Давай-давай, сейчас УЗИ нам все покажет да расскажет...

Немного не по себе становится от не слишком щепетильных касаний женщины. Расталкивает мне ноги, а я глаза прикрываю. Молюсь про себя. Все еще не верю, что могу быть беременной от жаркого восточного мужчины.

Смотрю на коротко стриженную женщину-врача, которая устремляет цепкий взгляд на монитор.

– Так-так... Вот это уже интересно, – говорит медленно,

щелкает по кнопкам компьютера, водит пальцем по какому-то кругляшу, похожему, скорее, на мышку.

— Ну надо же... — опять задумчивый голос врача, а у меня вдруг сердце биться перестает.

Секундой ранее я готова была молиться, чтобы не быть беременной, хотя... несколько положительных тестов говорили об обратном, а вот теперь задумчивое лицо гинеколога вызывает трепет и страх. Не за себя...

Так странно. Мгновение назад я готова была отрицать, что беременна, а вот сейчас сердце заходится в неровном ритме от задумчивого выражения лица врача, страх появляется, что что-то не так.

— Что там, доктор? — спрашиваю дрожащим голосом и врач опять переводит на меня цепкие карие глаза.

— Там у нас очень интересно, Васильева, мужик тебе, смотрю, попался горячий, снайпер прям.

Упоминание о мужчине, который взял мою девственность, опять заставляет мое сердце споткнуться и биться в неровном ритме. Но я запрещаю себе думать о Зауре. Не хочу. Слишком больно. Остро. Невыносимо.

Сразу же перед глазами вереницей кадров жаркая ночь, когда она брал меня без устали, заставлял теряться в ощущениях.

Убиваю в себе воспоминания и вглядываюсь в пухлое лицо врача.

— Я не понимаю... Что вы увидели?

Ухмыляется и подмигивает. Поворачивает монитор ко мне. Показывает пальцем на крошечные точки на экране.

– Двойню я увидела, Васильева, залет, что называется, капитальный у тебя! Одевайся!

Поднимается и выходит, а я все на стоп-кадр смотрю на мониторе и у меня слезы на глазах. И было бы правильно, если бы я горевала, думая, что одного ребенка тащить в моей ситуации сложно, двоих и вовсе нереально, но я отчего-то улыбаюсь дрожащими губами, рассматривая две крохотные темные точки.

Двойня. От мужчины с безграничными возможностями. Разовая девушка богатого мужчины. Развлечение. Мысли обжигают обидой, прикрываю веки.

– Ты там уснула, что ли? Бегом сюда! – окрик врача заставляет быстро встать и натянуть юбку.

Все еще пребывая в полном шоке, на негнущихся ногах прохожу и сажусь.

– Значит так. Тут у тебя, Васильева, выбор. Становишься на учет, или... Решать тебе.

– Что? – слова доходят до меня, а вот смысл ускользает.

Врач поднимает глаза к небу, словно сил набирается.

– Оставляем беременность?

Киваю непонятно чему. Врач абсолютно безучастен к моему состоянию. Ей плевать. Она выполняет свои обязанности.

Полнейший ступор у меня.

– Так, ладно, – говорит женщина и опять меня своим цепким взглядом окидывает, – не ты первая, как говорится, не ты последняя. Про контрацепцию рассказывать тебе уже поздно. Вот бери. Думай.

Протягивает мне бумажку, которую я на автомате беру. Пальцы дрожат, а в мозгу барабанной дробью.

Двойня...

Ничего у меня нет. Ни перспектив, ни будущего... только под сердцем двое малышей...

Не хочу думать о том, как все произошло и почему...

Не сейчас, иначе можно и в истерику скатиться. Воздуха не хватает. Единственное, чего хочу, это выйти из этих зеленых стен, убежать под солнечные лучи и дышать...

Двое малышей... от мужчины, для которого я – никто...

Опять слезы подкатывают комом.

– Как решишь, в регистратуре договоришься. Все. Освобождай кабинет. У меня следующая залетная на очереди. В любом случае – эта бумажка направление на аборт.

Ничего не успеваю ответить на грубость женщины. Дверь хлопает так, что штукатурка чудом не отваливается с потолка.

Крикливая врач также парализована, а я смотрю во все глаза на восточного мужчину. На его глаза, так стремительно темнеющие, на чувственные ноздри, которые сейчас трепещут.

Огромный. Он заполняет собой все пространство подоб-

но черному всаднику, несущему только разрушение. Великолепный костюм идеально сидит на мощной фигуре.

Сглатываю отсутствующую слюну. Боюсь. И все равно, подобно загнанному зверьку, не могу оторвать взгляда от мужчины. От идеальных черт лица, которые даже в гневе не искажаются.

– Беременная, значит, – рывкает восточный мужчина. Сердце заходится в груди от чувств, когда Заур проходит вперед, берет снимок УЗИ со стола, рассматривает, затем переводит грозный взгляд на врача. – У... нее двойня... – сразу же выдает в страхе женщина, – мы как раз решали... – Аборт делать? – перебивает, а я замираю в ступоре и поднимаю глаза на мужчину. Сердце заходится в груди от чувств.

– Я... не...

Хочу сказать, что он сошел с ума, если считает, что я могла...

Пусть они еще совсем крохотные, но... я уже люблю их.

Вот так просто. Один взгляд на две темные точки и сердце щемит от чувств, от переполняющей и всепоглощающей любви.

Я бы никогда не навредила своим малышам! Вот что я хочу прокричать, но Заур не дает мне ответить. Нависает. Кладет массивную руку на плечо.

– Даже не думай!

Сдергивает меня со стула, заглядывает в мои ошарашенные глаза. Злой сейчас. Лютый. Красивые ноздри трепещут,

выдавая настрой моего единственного мужчины.

Наконец, прихожу в себя, произношу дрожащим голосом:

– Отпусти меня! Ты не имеешь права! – брыкаюсь, пытаюсь сопротивляться, но восточный мужчина слишком силен, цепляет меня в кольцо своих рук и давит интонацией:

– Двойня – моя. Мои наследники. Рожать будешь! Пошли.

Глава 2

Ранее

Даша

– Воровка! Она воровка! – кричит разъяренный обрюзгший мужик и ловит меня за запястье. Вдавливает так сильно пальцы, что у меня искры из глаз летят.

– Вы с ума сошли?! Я ничего не брала!

Хозяин цветочного магазина, в котором работаю, обдаёт меня зловонным дыханием и шипит.

– Ты украла наличку из кассы! Украла! Давно у нас тыришь, да?! Зря пригрел на груди змеюку!

Нависает надо мной, дергает меня из стороны в сторону, тащит, а я бросаю затравленный взгляд на сотрудниц магазина...

Никто. Ни один человек не делает шаг, чтобы помочь...

Все лишь молча наблюдают, смотрят...

В глазах некоторых девчонок вижу злорадный блеск. И впервые, возможно, осознаю, что в этой жизни зверей много, лютых, злых мерзких гиен, которым приятны страдания

других...

– Ну что, Дашка! Быстро возвращай ворованное! А то я сейчас ментов вызову, загремишь у меня в тюрьму, а там таких смазливых, говорят, по-особому встречают...

Встряхивает меня хозяин магазина так, что у меня зубы клацают. А я то на шею его смотрю волосатую, противную, то фиксирую, как дергается у него губа верхняя.

Мерзкий-примерзкий. Отвратительный жирдяй, который делал мне недвусмысленные намеки все то время, пока я подрабатывала в цветочном магазине...

– Воровка!

Его жиденькие плешивые волосы сейчас растрепались. Обычно зализанная прическа превратилась в нечто ужасное.

– Как ты могла... – наигранно выдыхает, а меня от аромата его парфюма и потного тела бросает в озноб.

Не могу... не могу больше терпеть его прикосновения и отбиться не могу. Слишком сильный озверевший буйвол, который взял цель и изо всех сил пытается меня уничтожить...

Я в его руках. Обвиняемая в том, чего не совершала.

– Это ложь! Я ничего не брала! Я никогда не трогала чужое! – кричу и горячие слезы обиды обжигают щеки.

– Врешь, дрянь! – рявкает в ответ.

– Виктор Викторович! Я правду говорю! Проверьте! Я ничего не взяла... – вылетает уже рыданием.

Я бы хотела быть сильной. Я бы очень хотела дать ответ на все бесчестные обвинения, но не могу, запинаюсь.

Я в полном шоке от всего происходящего, от угроз, которыми сыплет хозяин магазина, как из рога изобилия.

Некрасивый мужчина с носом-картошкой, на котором родинка выпирает наростом, скалит зубы.

– Я проверил, Дашуля... Воровка ты мелкая...

От грязного оскорбления у меня озноб по спине крупный пошел и руки затряслись. Ком в горле застрял. Говорить не могу. Ответить не могу.

Без вины виноватая...

Вывернутая наизнанку правда – ложь...

Опять смотрю в сторону других сотрудниц. Они здесь зрители, которые наблюдают за страшной картиной и наслаждаются.

Никто. Ни один человек не протягивает руку помощи. Не пытается вразумить сошедшего с ума хозяина. Никто не верит в то, что я не совершала того, в чем меня обвиняют...

Больно. Гадко. Мерзко на душе и... проклятые слезы застилают взор.

Мешают видеть все то, что творится...

– Я никогда чужого не брала. Все в кассе до последней копейки! Это ошибка, – твержу дрожащими губами, – вы меня обвиняете в том, что я никогда не совершала...

– Признавайся! Куда деньги дела?! И я не позвоню куда следует. Положи на место, что взяла...

– Сколько не хватает? – спрашиваю тихо и меня оглушают цифрой.

Прикрываю глаза и качаю головой.

Нет у меня таких денег. Да и откуда у бедной студентки...

Мне кажется, я сейчас в обморок упаду и это... это будет спасением. Не видеть. Не слышать, не чувствовать адскую боль, раздирающую грудную клетку из-за несправедливости...

Обида душит, а я... я, наконец, понимаю причины такого поведения хозяина магазина. Он ведь намеки мне делал разные, пытался все время в коридоре зажать, когда я мимо проходила, а я...

Я все зарплату ждала и параллельно искала другое место, где заработать можно. Но студентам сложно найти работу на полдня...

Сейчас вглядываюсь в мерзкое лицо и меня осеняет. Так это он мне так мстит, наверное...

Горше на душе становится и взгляд попадает на толстую жену хозяина магазина Зину Валентиновну, которую все Зинкой-Злыдней зовут.

И вид у нее такой торжествующий. Она следит за происходящим. Вновь смотрю на хозяина цветочного бутика...

Вспоминаю. Намеки его. Предложения подвезти...

Сперва мне казалось, что это по доброте душевной, а... нет ее, этой доброты...

– Вы... вы это специально, да? – задаю вопрос, у меня в висках боль пульсирует. – Из-за того, что... отказалась... не далась?!

– Я сейчас позвоню куда надо! – рывкает опять, голос мой перекрывает, но я понимаю, что в цель попадаю.

– Я ведь говорила, что тырит из кассы! Всегда замечала неладное, – слышу откуда-то писклявый женский голос и сталкиваюсь взглядом с невысокой брюнеткой со злыми глазами, которые впиваются в меня, и я понимаю, что и ей я тоже дорогу перешла, потому что свое предложение «хорошо провести время» хозяин бутика сделал мне, а не ей...

Тошнота подкатывает к горлу. Что-то словно ломается внутри меня.

Надломленность. Подавленность. Ощущение дикой несправедливости...

– Значит так! Зарплату ты не получишь! Все, что украла – компенсируешь. Так что можешь благодарить, что в полицию не звоню!

Опять вопит Виктор Викторович и тащит меня в сторону выхода. Параллельно мне мое пальто старое хватает и рюкзачок.

Стоит отойти от зрителей на должное расстояние, как мой босс шепчет мне на ухо, а я плечами передергиваю, потому что смрад его дыхания ничем не перебить:

– Зря ты, Дашенька, себе цену набивала... ой, зря... девушка, особенно такая красивая, должна быть поговорчивее... С таким личиком ты бы могла устроиться на тепленькое местечко, а вот сейчас на улицу вылетишь...

Выговаривает, а я молчу. У меня слов нет. Ком в горле не

дает ответить.

Боже.

Меня мутит.

Кажется, что сейчас содержимое желудка окажется на малиновом пиджаке выходца из девяностых...

Только хозяин магазина решает, что мое молчание – это знак согласия.

– Вот и умница. Скажи мне «да», Дашенька, и я прямо сейчас скажу, что деньги нашлись, что не досчитался случайно... Я же знаю, в какой ты ситуации... как тебе работа нужна... будь поласковой, озолочу...

Глаза на мужчину поднимаю и становится еще горше. Он знает и при этом ему это не мешает вести такую мерзкую и грязную игру...

– Никогда! Никогда не соглашусь! Не приму от вас ни копейки, – отвечаю с отчаянием и лицо мужчины идет багровыми пятнами.

– Ах так...

– Вы невинного человека во всех грехах обвинили! Как вам жить будет после такого, – продолжаю говорить.

На мгновение кажется, что достучусь, только с каждым моим словом лицо мужчины становится все более злым.

– Ничего не получишь! Ни копейки! За воровство все конфискую! Чтобы больше здесь тебя не видел, иначе...

Продолжает завывать Виктор Викторович, дверь параллельно открывая перед мой носом, а сам мне на ухо рычит:

– Зря ты себе сейчас цену набиваешь, дура. Приползешь еще ко мне... Я бы тебя, дуру, королевой бы содержал, а сейчас... голодать да побираться придется...

Говорит мерзкие слова и толкает меня в спину. Жирный мужчина по сравнению со мной, худенькой и невысокой, слишком сильный.

Я вылетаю на мороз. Сразу же холод пробирается под одежду, следом летят мои пальто и рюкзак, последний больно ударяет меня по спине.

Снежинки падают с небес. Оседают на волосах, но вчера был ледяной дождь, а снег не успел осесть. Мужчина придает мне ускорения в спину и так получается, что ноги скользят, я не успеваю затормозить, по инерции лечу вперед и оказываюсь на проезжей части, падаю на асфальт.

Боль обжигает руки. Колени. Резь пронзает тело, но самое странное это то, что до слуха долетает визг шин и я поворачиваю голову, как в замедленной съемке наблюдая, как на меня мчится черный и обтекаемый, острый и агрессивный люксовый автомобиль...

Наверное, перед глазами должна пролететь вереница кадров из жизни, но этого не происходит. Слышу скрежет. Четко осознаю, что не успею подняться и отбежать, поэтому чисто интуитивно группируюсь, прикрываю веки, жмурюсь изо всех сил и превращаюсь в комочек, подтягивая коленки к груди.

Секунда. Другая. Страшный скрежет тормозов... и запах

резины. Будто кто-то рядом ее поджег. Едкий запах застревает в горле.

И отчего-то с обидой думаю, что это последнее, что успела почувствовать...

Удара жду мгновение, длиною в жизнь, но его не следует. Проходят секунды, я, наконец, распахиваю глаза, чтобы увидеть прямо перед своим носом черные зеркальные цифры на белом прямоугольнике.

Не сразу. С какой-то задержкой до сознания доходит, что это номера машины.

Не верю, что водитель сумел остановить такую махину, что не расплющил и не размазал неуклюжую девчонку по асфальту.

Спустя еще один удар сердца слишком громко хлопает дверь автомобиля. Явно выпуская наружу гнев того, кто находился за рулем этой огромной махины.

Понимаю каким-то шестым чувством, что тот, кто сумел вовремя остановить машину на скорости, будет, мягко говоря, в состоянии бешенства.

Осознаю, что виновата, что стала виновницей происшествия. Опять прикрываю веки. Вроде бы и радоваться нужно, что все закончилось относительно хорошо, но, с другой стороны, интуиция срабатывает, не предвещая для меня ничего хорошего.

Кажется, что шум улицы даже отходит на второй план, до сознания доходят только шаги. Тяжелые. Надвигающиеся...

Глава 3

Еще один вдох и перед моим носом появляются начищенные до блеска мужские туфли. Так странно, я даже замечаю свое отражение в мысках этих дорогуших туфель, а уже через мгновение меня как пушинку вздергивают, и я сталкиваюсь взглядом с кофейными глазами взбешенного брюнета явно восточных кровей.

– Тебе жить надоело?! – рывкает и встряхивает меня в сердцах, а я настолько в шоке, что даже в себя прийти не могу, ответить не получается. Только дрожу, как осиновый лист, и смотрю во все глаза на незнакомца.

Матерый. Взрослый. Смоляные волосы открывают высокий лоб, чувственный рот искривлен сейчас от негодования. Взглядом впивается в меня, продавливает.

А я дрожу так, что, кажется, стук зубов своих слышу. По мере того, как скользит взглядом по моей фигурке, хватка становится мягче.

– Испугалась, – это не вопрос, мужчина понимает мое состояние и слегка сбавляет обороты, – не трясись, ничего критичного не произошло, я тебя не задел.

Произносит глубоким бархатным голосом. Осматривает меня, а я как замороженная в лицо смотрю, волевое, с тяжелыми чертами и глазами мрачнее самой темной ночи.

– Считай, в рубашке родилась, если бы проехался по тебе,

костей бы не собрала...

Выдает, наконец, прищурившись. А у меня немного шея болеть начинает от напряжения, из-за того, что вынуждена голову задирать, чтобы смотреть в лицо мужчине.

– Спасибо, – наконец, голос прорезывается, и я шепчу едва различимо.

Кивает молча. Больше не давит своей аурой. Кажется, что взгляд на мгновение становится мягче.

Не падаю только потому, что сильные руки держат меня, а я почему-то на ногу опереться не могу. Только сейчас ощущаю, как щиплет кожу.

Высокий мужчина, которому я едва достаю до плеча, щелкает языком, скользит по мне взглядом и неожиданно резко переводит его в сторону. По инерции отслеживаю и замечаю, куда именно смотрит кавказец.

На обочине застыл хозяин цветочного бутика. И почему-то от взгляда восточного мужчины Виктор Викторович как-то сжимается.

– Сюда иди, – придавливает интонацией незнакомый мужчина, ему, кажется, глубоко наплевать, что вообще-то его машина организовала пробку и остальные водители вынуждены объезжать замершую черную фурию.

Однако никто нам не сигналист, не подгоняет, не велит сойти с дороги и уже на обочине решать свои вопросы. Машины проезжают мимо, будто боясь навлечь негодование мужчины в идеальном темном костюме.

Мужчина вскидывает бровь и смотрит в сторону моего бывшего работодателя и тот подходит.

– Почему девчонка под шины бросилась?

Ошарашивает меня вопросом брюнет, а мой босс набирает воздуха поглубже и выпаливает свою правду-ложь.

– Воровка она. Поймали ее, а она деру дала. Только недалеко убежала.

В шоке перевожу взгляд с предприимчивого толстяка на матерого мужчину, который вновь смотрит на меня, и взгляд у него опять меняется.

Если секундами ранее казалось, что он проникся, то теперь словно бетонная стена там. Непроглядная.

– Это неправда, – подаю, наконец, голос и в глазах скапливаются слезы, а я смотрю на незнакомого мужчину, от которого веет силой и властью, и отчего-то не хочется, чтобы он думал обо мне в том ключе, в котором преподносит все Виктор Викторович.

Незнакомец внимает мне. Приподнимает смоляную бровь, словно поощряет, чтобы продолжала, и я выдыхаю:

– Я не крада. Ничего не брала. Я в жизни ничего не воровала! Все ложь и наговор...

Пытаюсь отнять руку, прикосновение мужчины обжигает даже сквозь одежду, но он не отпускает, продолжает смотреть на меня, а я дергаюсь.

– Да отпустите вы меня!

Нервы сдают, пытаюсь отцепить от себя пальцы, но мои

трепыхания не дают никакого результата. Качаю головой и запоздало понимаю, что благодаря моим пустым телодвижениям у меня волосы из пучка выбились и свободной волной падают на спину.

Ветер подхватывает прядки и бросает мне в лицо. Второй рукой убираю волосы с глаз и осознаю, что мое движение привлекает внимание кофейных глаз, которые внимательно следят за мной.

Ожидаю, что незнакомец встанет на сторону хозяина цветочного магазина и начнет вместе с ним угрожать и кричать о том, что вызовет полицию, но кавказец удивляет.

Он вновь переводит взгляд на замершего изваянием Виктора Викторовича.

– Говоришь, воровка... Если так, где тогда деньги, раз уж девчонка у тебя украла? – задает резонный вопрос и упирает холодные глаза в моего бывшего босса.

Виктор Викторович лишь пожимает плечами. Юлить и врать мой бывший начальник хорошо умеет. Теперь понимаю.

– Откуда я знаю, на что она успела спустить мои деньги? Факт в том, что Дашка своровала. Она – воровка! Я хотел в полицию звонить, когда мы выявили недодачу, а эта убежать решила. Ну и вот... Чуть хорошего человека под срок не подвела. Я, если что, свидетель! Она сама бросилась к вам под машину!

– Подлец. Какой же вы подлец, Виктор Викторович... –

произношу тихо. У меня даже голоса нет, чтобы кричать и доказывать свою невиновность.

Да и что я смогу сделать. Каждое слово исковеркают и свое прогнут. Прикрываю веки. Пытаюсь дышать. Делать глубокие вдохи, чтобы не скатиться в истерику, а тем временем мой шеф меня не слышит, он увлечен своей пламенной речью, пытается обелить себя...

– Я давно заметил неладное... Сначала суммы маленькие были, незаметные, но девчонка поняла свою безнаказанность и решила грабить нас уже по-серьезному...

Качает головой и скорбно поджимает губы, а меня тянет расхохотаться при виде этого театра одного актера.

– Сердечно благодарю вас. Вы оказали содействие. Поймали преступницу. Сейчас же позвоню в полицию. Пусть они занимаются этой! Ну и как сказал, если вдруг дело дойдет до суда из-за этой дурехи, то я буду свидетельствовать в вашу пользу. Все она. Я видел! Сама под шины бросилась!

В шоке качаю головой. Мне нельзя... нельзя в полицию... Есть обстоятельства, которые заставляют обходить полицейских семью дорогами.

– Это не так... прошу... отпустите... – обращаюсь к незнакомцу, который вновь задумчиво смотрит в мое лицо. Будто прикидывает для себя что-то.

Веки обжигает, а я понимаю, что плачу. Горькие слезы обиды струятся по лицу, привлекают внимание мужчины, который наклоняет голову к плечу и рассматривает меня, а я в

свою очередь на него смотрю. Глаз оторвать не могу от острых скул, от чувственных губ.

Невероятно красивый мужчина. Явно искушенный. Уверенный в себе. Властный. Взгляд циничный, скользящий по моей коже, кусающий, останавливающийся на моих губах, смазанных лишь бесцветным бальзамом.

Что-то в глазах мужчины меняется, будто вспыхивает, когда я облизываю нижнюю губу, пытаюсь стереть колкое внимание кавказца, от которого кожа зудит.

Смотрит в мои глаза, будто решает для себя что-то, а затем резко поворачивается в сторону хозяина магазина.

– Ладно говоришь. Слишком даже. Наказать девчонку хочешь. Заявление писать...

В интонациях мужчины я слышу предупреждение, всем телом напрягаюсь, ощущая его колющее давление, а вот Виктор Викторович поддакивает, кивает на каждое слово.

– Да-да. Сейчас и позвоню. Надо решать с воровкой вопрос, – и уже обращаясь ко мне: – За все мне, гадина, ответишь, за каждую копейку, что в карман положила! Неблагодарная!

Тянет мясистую руку в карман и достает дорогуший телефон, а я понимаю, что в шаге нахожусь от обморока. Меня потряхивать начинает все сильнее. А незнакомец будто чувствует меня, опять обращает взгляд в мою сторону и задает неожиданный вопрос:

– Сама стоять сможешь?

Понимаю, что он имеет в виду, и киваю. Я фактически на одной ноге стою и на носке второй. Не могу всю ступню поставить. Больно.

Еще раз окинув меня внимательным взглядом, незнакомец отпускает меня, а я не бегу никуда. Стою как стояла. Почему-то на меня какая-то странная оторопь нападает. А, может, и внутренне понимаю, что мне от явно тренированного мужчины так легко не убежать, учитывая, что еще и нога, вероятно, повреждена.

– Сейчас-сейчас. Есть у меня в органах знакомый, прямо его и наберу, – продолжает себе под нос кудахтать Виктор Викторович, водя пальцем по экрану телефона, – сейчас...

Договорить мой шеф больше не успевает. Получает один удар по шее и заваливается на спину, комично махнув руками, падает, как куль с картошкой, а незнакомец наступает на хозяина бутика.

Причем в буквальном смысле. Становится на руку, в которой зажат телефон, и я слышу треск и вой Виктора Викторовича. Через мгновения кавказец носком туфли отбрасывает сломанный вдребезги гаджет, а сам нависает над ошарашенным Титовым.

– Я не люблю, когда меня, как последнего лоха, развести пытаются. Ты мне втираешь, что девочка деньги украла, а в следующую секунду выясняется, что денег у нее нет. Рассказываешь, что она под машину мою бросилась специально, а по факту ты ее толкнул...

– Я... я... это... послушайте... – подает голос мой бывший хозяин и руку к груди прижимает, садится, но встать не рискует. Смотрит в лицо взбешенного восточного мужчины и дышать боится.

Я тоже замираю на месте, неожиданно найдя в лице этого незнакомца защитника, который понял все махинации Виктора Викторовича...

– Послушайте, – не унимается мой бывший босс и голос его звучит заискивающе, жалко.

Незнакомец не слушает блеянье, обрубает резко:

– Нет. Это ты меня сейчас слушаешь, и очень внимательно.

Виктор Викторович кивает, как болванчик, бледнеет и не решается сказать ничего лишнего, в то время как кавказец чеканит:

– Считаю, что долг девочки я у тебя перекупил. Ты забудешь о ее существовании. Будешь сидеть тише воды, ниже травы. Любой шаг против – считай, ты лишишься всего, что имеешь, и в добавок останешься мне еще должен, будешь отрабатывать в поте лица, вместе со своей семейкой. Я доступно изъясняюсь?!

– Да... да... все предельно ясно! Господин Исаев... все сделаю!

Блеет и пятнами идет мой бывший босс, а у меня проskalьзывает понимание, что незнакомец не представлялся, однако мой босс знает, кто перед ним, поэтому и ведет себя

соответственно.

Осознает, что мужчина наделен властью и злить его не следует. Виктор Викторович еще тот жук. Вот и вижу, как он общается с теми, в чьих руках власть, и простыми людьми.

Перед первыми он пресмыкается, а вторых пытается втоптать в землю, прогнуть, как меня...

– Посмеешь на девочку заяву кинуть ментам – проблемы будут со мной. Ты меня понял?!

– Понял... господин Исаев, произошло недоразумение... – кивает, а я в ужасе понимаю, что мои проблемы не заканчиваются. Здесь и сейчас посторонний мужчина перекупает мой несуществующий долг, делая должницей меня...

Причем вопрос, кому и что я должна, учитывая, что ничего не брала. Сюр какой-то. С трудом понимаю, что происходит, но ситуация развивается со скоростью света.

– Итак. Ты понял меня? – задает контрольный вопрос кавказец и Виктор Викторович кивает, как болванчик.

– Все сделаю. Все, что скажете, только сжальтесь!

– Конечно, сделаешь. А теперь пошел отсюда.

Незнакомец не повышает голоса. Но его интонации подобны хлысту, которые придают моему неповоротливому бывшему хозяину скорость торпеды. Толстяк поднимается и буквально бежит с улицы, скрывается за стеклянной дверью бутика, а через мгновение там появляется табличка «закрито».

Надо же...

А мне спастись бегством не представляется возможным. Это осознание давит. Воздух застревает в горле, когда Исаев обращает на меня свой немигающий взгляд. Выдохнуть не могу я под этим темным взглядом, кажется, легкие начинают гореть и ощущаю, что еще секунда и в обморок упаду.

Исаев делает шаг в мою сторону, прищуривается. А я осознаю, что взгляд у него хищный и цвет глаз не совсем темный, а какой-то коньячный. Сжимаю пальцы сильнее. В то время как мужчина медленно направляется ко мне.

Поступь мягкая, но ощущение угрозы лишь усиливается. Каждый шаг восточного мужчины отдается гулким стуком моего сердца, которое будто в ушах отдает ударом.

Наконец, мужчина становится прямо напротив меня, а я голову задираю, чтобы в лицо его смотреть. Оцепенение нападает. Единственное желание, которое пульсирует в висках – это бежать без оглядки куда подальше, но в ногах будто свинец.

– Зовут как, говоришь? – интересуется лениво, голос у него глубокий, насыщенный.

– Я не говорила, – отвечаю едва слышно, и Исаев ухмыляется, улыбка играет на полных губах, а меня его энергетикой сшибает, интересом, который вспыхивает в глазах с необычным разрезом, миндалевидным и чуть приподнятым к вискам.

Красивые глаза, глубокие.

– Так скажи сейчас, – отвечает мне мягко, но вместе с тем

в каждом жесте, в размеренных движениях чувствуется приказ. Мужчина подходит вплотную, обдает меня терпким ароматом парфюма. Головокружительный запах ментола, морского бриза и мяты.

Сразу же делаю глубокий вдох, и голова начинает кружиться.

– Я – Даша...

Присматривается ко мне, а я в радужки его глаз смотрю, которые светлеют. Интересный цвет глаз у Исаева. Я бы могла подумать, что линзы, но подобный мужчина не оставляет ни малейшего шанса на фальшивку.

Он какой-то настоящий. Глубинный. Рассматривает меня так, что у меня душа в пятки уходит, когда, чуть растягивая гласные, произносит:

– Дарья, значит, красивое имя. Дарованная. Подаренная...

Играет с моим именем, придает ему какой-то сакральный, иной смысл, и я дивлюсь тому, как он обыгрывает тот ужас, который только что произошел в моей жизни. Незнакомец опять скользит взглядом по моему лицу, будто лаской проходится, а я думаю про себя о том, какие у него длинные прямые ресницы, обрамляющие такие выразительные и живые глаза...

– Вы не так все поняли, – предпринимаю очередную попытку быть услышанной, – все не так...

Наклоняет голову к плечу, подобно хищнику, будто готов

внимать моему бессвязному лепету, но на дне глаз смешинки. Явно забавляется. Подавляет своей харизмой. Тяжестью своей ауры.

– Я думаю, дорога не то место, где можно обговорить ситуацию. Пойдем в машину.

Протягивает мне широкую ладонь с четкими линиями, резкими. Красивая рука, а на запястье браслет от часов платиной поблескивает.

Смотрю на эту руку и двинуться боюсь, пальцы рассматриваю длинные. А сама отчего-то думаю, что эти руки могут дробить и ломать.

Отрываю взгляд от широкой ладони и опять смотрю в глаза кавказцу.

– Я не сяду в вашу машину и с вами никуда ехать не намерена!

По мере того, как говорю, правая бровь мужчины выгибается, придавая лицу какое-то злое ироничное выражение. Он смотрит на меня как на букашку, которая неожиданно обзавелась звонким голосом.

А я, наконец, в себя прихожу и продолжаю:

– Спасибо вам за помощь, но дальше я сама.

Наконец, пытаюсь сделать шаг в сторону, но лодыжку простреливает боль, когда я на нее опираюсь, пытаюсь отойти от мужчины как можно дальше.

– Ай... – вскрикиваю и опять поджимаю ногу, опираюсь лишь на носок.

Все под внимательным взглядом мужчины, который делает еще один шаг ко мне, и я взрываюсь в воздух, оказавшись в руках, которые только что так внимательно изучала.

– Это был не вопрос, Даша, – проговаривает спокойно, когда я в шоке поворачиваю голову к мужчине.

Мы оказываемся нос к носу, и в эту секунду мне кажется, что кто-то там наверху нажал на стоп-кадр. Я только лицо вижу это красивое, с твердыми чертами, с тьмой во взгляде. Кажется, что там бездна заворачивается, живая, темная, живущая какой-то своей жизнью. Она обволакивает, утягивает куда-то на дно, а у меня сердце останавливается, чтобы только через одно мгновение забиться так, будто я олимпийский спринт пробежала.

Наконец, Заур отводит изучающий взгляд от моего лица и размашистым шагом идет в сторону своей хищной стрелы, распахивает дверь и, особо не заморачиваясь, опускает меня на пассажирское сиденье.

Если бы мужчина действовал чуть более жестко, я бы могла сказать, что он затолкал меня в автомобиль, да еще и защелкнул ремень безопасности. Не понимаю, это он из заботы обо мне или чтобы не убежала.

Фантазия, подстегиваемая страхом, начинает бушевать. Исаев же отрывает взгляд от моих ошарашенных глаз и скользит вниз, рассматривает меня и опускает взгляд к моим ногам, сильная рука ложится на мою коленку.

Сразу же дергаюсь. Подрываюсь с места.

– Да что вы себе позволяете?! – выдыхаю возмущенно.

– Не рыпайся, – отвечает спокойно и продолжает вести рукой вниз, ощупывает, сжимает, наконец, накрывает пальцами лодыжку и чуть сжимает, а я шипеть начинаю, слезы на глазах наворачиваются.

– Тише-тише, перелома нет. Видимо, неудачно ногу поставила. Но врачу показать стоит.

Даже ответа моего не ждет, захлопывает дверь перед моим носом и уже через мгновение занимает свое место за рулем. Плавно вжимает педаль газа и стартует, а я на профиль смотрю орлиный, на губы. Опять, как замороженная, рассматриваю матерого мужчину, который уверенно держит руль и везет меня в непонятном направлении.

– Вы меня сейчас похищаете? – в голосе слышны вопросительные нотки, на которые реагирует Исаев.

– Ты спрашиваешь или констатируешь факт? – опять вскидывает голову и слегка улыбается, а в следующую секунду салон затапливает музыка.

И я подвисаю. Я как-то ожидала, что Исаев будет слушать все, что угодно, но никак не...

Классику...

Я, наверное, выгляжу слишком шокированной, потому что Исаев мне подмигивает.

– Ты интересно морщишь носик, что-то не так?

– Неожиданно, – отвечаю, кивая в сторону панели управления этого футуристического автомобиля. Только сейчас

подмечаю голубую подсветку, которая ставит акценты в салоне.

– Что именно, Даша?

– Классическая музыка в машине такого... такого, как вы...

Теряюсь. Вспыхиваю, когда взгляд черных глаз проскальзывает по мне укусом.

– Такого, как я? – переспрашивает и брови хмурит, а я понимаю, что совсем не то говорю.

– Простите я... я... не так выразилась, – смущаюсь, теряюсь, не знаю, как поправить ситуацию, в которую угодила.

Прикрываю глаза и выдыхаю. Глубокий вдох. И такой же выдох. Затем вновь поворачиваю лицо к мужчине и отвечаю, мягко улыбнувшись:

– Я не ожидала услышать в салоне вашего автомобиля пятую симфонию Моцарта... Неожиданный выбор. Вы простите, если я обидела вас, просто... иногда я сложно выражаю свои мысли... говорю совсем не то, что думаю...

Кивает моим словам. Опять на губах улыбка появляется задумчивая, а уже в следующее мгновение Исаев вновь останавливает на мне темные глаза.

– А я никак не ожидал, что ты настолько осведомлена в классической музыке.

Пожимаю плечами и улыбаюсь, потому что я действительно люблю музыку и жизни своей не вижу без нее.

– Я просто учусь в консерватории, – отвечаю мужчине,

ощущая, как его взгляд становится колким, опасным каким-то. Холодным.

– Тоже мечтаешь певицей стать?

Это его «тоже мечтаешь» как-то царапает. Ощущение такое, что перед глазами мужчины сотни таких «мечтающих о славе» прошли. Повисает пауза, которую я нарушаю.

– У меня нет вокальных данных.

– То есть о славе певицы ты не мечтаешь? В столице в основном все метят либо в актрисы, либо...

– Виолончель.

Прерываю жесткие слова мужчины. Неприятно его подобное отношение, хотя, судя по всему, оно базируется на опыте. И опять несложно прикинуть, что Исаев богатый человек, у которого в руках власть, иначе Виктор Викторович так бы не стелился и не боялся бы кавказца, а рядом с такими и вертятся эффектные женщины. Те самые модели, актрисы и певицы.

– Не понял, – бросает на меня опять косой взгляд и плавно входит в поворот.

– Я играю на виолончели, – поясняю спокойно.

Опять в салоне повисает пауза. Давящая. Которую я больше не решаюсь нарушить. Отворачиваюсь и смотрю в окно, центр города сейчас полон людей и машин, и я замечаю, как все прохожие цепляют взглядами хищный автомобиль Исаева.

– Надо же, – наконец, подобно хлысту молчание в салоне

нарушает глубокий ироничный голос, – маленькая должника в курсе, какую именно симфонию я слушаю, да еще и виолончелистка. Я-то думал, что меня уже ничем удивить нельзя...

– Я ничего не воровала! – вспыхиваю и подаюсь вперед. – Я никогда чужого не брала, Виктор Викторович меня подставил! И никакого долга у меня нет.

На глазах вспыхивают слезы обиды. Воспоминание оглушает. Далекое. Родом из самого детства. Когда меня так же сделали без вины виноватой.

В школе кто-то украл куклу у моей соседки по парте, и она обвинила в этом меня, сказала, что хвасталась передо мной новыми туфлями, куклой и тем, что на буфет ее родители крупную сумму дали, а я отомстить решила.

Тогда дочку простых родителей затравили. Меня не слышали, когда я говорила, что не брала чужого.

Учитель заставил открыть портфель, а там... там была пропажа... только я ничего чужого не брала...

Уже потом, спустя время, когда родителям пришлось переводить меня в другую школу, я увидела свою одноклассницу, тогда она и сказала, что пошутила, положив свою вещь в мой рюкзак.

Мне жизнь сломали, а для кого-то было просто шуткой.

Отгоняю воспоминания и сжимаю кулаки, смотрю в глаза мужчине и цежу не своим голосом:

– Я никогда ничего не воровала... – повторяю, как мантру,

и Исаев опять смотрит на меня так, что у меня душа в пятки уходит...

Мужчина не отвечает, а мелодия в салоне позволяет мне немного расслабиться. Давно заметила, что Моцарт успокаивает.

В самые тяжелые времена я садилась за виолончель и играла именно сонаты этого композитора, и к моменту, когда рука брала последний аккорд, я ощущала, как тяжелые думы, мучающие меня, уходят.

— Если бы я не вмешался и не дал понять, что ты теперь принадлежишь мне, та падаль бы тебя не отпустила...

Неожиданный голос и я вздрагиваю. Не думала, что Исаев ответит мне, не ожидала этого просто, а уж когда доходит суть сказанного, холодные мурашки начинают ползти вдоль спины и я прикусываю губы, все так же шокированно глядя на мужчину, который опять входит в поворот плавно и уверенно.

— Неужели ты думала, что все закончилось бы так легко?

— Но... меня же уволили... — подаю голос и мужчина ухмыляется, больше ничего не поясняет, а у меня лед в груди словно возникает, давит.

По всему выходит, что незнакомец меня спас? Страшные мысли проскальзывают, перебивают одна другую, а я вспоминаю сальные взгляды противного хряка, а еще в сознании яркой вспышкой полыхает понимание, что я сама дала всю информацию о себе, когда заполняла анкету. И что мешает

моему бывшему работодателю продолжать преследовать меня и требовать несуществующий долг?!

Вероятно, все мои мысли проскальзывают на моем лице, потому что Исаев ухмыляется.

– Смотрю, начало доходить, Дашенька...

Сглатываю несуществующую слюну и будто ныряю в темную морскую гладь, когда задаю свой вопрос:

– Если вы спасли меня от хозяина бутика, то кто меня спасет от вас?

Опять проницательные глаза выстреливают в мою сторону, и мужчина приподнимает уголки губ в ухмылке:

– Умненькая девочка. Правильные вопросы задаешь, но если на то пошло, то от меня спасения нет...

Вроде и подмигивает, как бы шутит, только взгляд остается холодным, подобно лезвию бритвы, и, в принципе, я понимаю, что Исаев не лукавит, если разговаривать с позиции силы и влияния, которые он применил, чтобы избавить меня от хозяина цветочного магазина, то никого, кто заставит Исаева отпустить меня, я не знаю... Да и по этому мужчине видно, что нет того, кто сможет отбить у него то, что ему интересно.

Знакомы всего ничего, а вот характер и нрав кавказца я словно чувствую.

– Вы так и не сказали, куда меня везете.

Нервозность возвращается, сжимаю пальцы.

– В ресторан, – подмигивает, – или сразу в квартиру по-

едем?

Больше ничего не слушаю, резко разворачиваюсь и дергаю за ручку двери, действую на аффикте. Осознаю только одно, что мне нужно выбраться из этого автомобиля, и не думаю про то, что Исаев едет на приличной скорости, и я в лучшем случае окажусь на мостовой и переломая кости, о худшем даже думать не стоит.

Мои манипуляции проходят в холостую. Дверь заперта.

– Угомонись. Дарья.

Холодный голос действует и я оборачиваюсь на мужчину, глаза щиплет и запоздало до сознания доходит, что щеки у меня мокрые от слез.

– Я ничего не делала плохого, чтобы так... так со мной...

Кивает на мои слова утвердительно.

– Я понял.

Больше ничего не говорит, а я протираю щеки ладошками, опять смотрю на то, как Исаев уверенно и мягко держит руль, как отслеживает ситуацию на дороге.

Смотрю на его чеканный профиль, на легкую небритость, которая придает мужчине только шарма. У него выразительные четкие скулы и смоляные волосы, чуть длинноватые. И одна прядка на лоб упала, а мне отчего-то захотелось ее убрать, прикоснуться, почувствовать мягкость блестящего шелка.

Так странно, но будто чувствуя мое стремление, мужчина проводит пятерней и убирает волосы обратно, словно за-

чесывает назад, а у меня тело простреливает, потому что на внутренней стороне запястья я замечаю набитую татуировку.

Жест быстрый, не успеваю рассмотреть, но замечаю также и сетку выделяющихся вен, отворачиваюсь опять к окну. Никогда не испытывала такой спектр эмоций, как сейчас, чтобы дрожь в коленках и желание сомкнуть их посильнее.

Ерзаю на пассажирском кресле и неудачно опираюсь на ногу, опять шиплю подобно кошке.

– Потерпи чуток, – реагирует на мое трепыхание, явно понимает, что больно.

Я не отвечаю. Это страшно – находиться в машине мужчины, которого не знаешь, который уверенно едет по дороге в неизвестном направлении и ты не знаешь, чего ожидать.

Все же Исаев не производит впечатления маньяка, а также я не чувствую в нем агрессии, да и зачем подобному мужчине проблемная девчонка. У таких мужчин много женщин и все как на подбор. Достаточно бросить на этого матерого хищника один взгляд и все становится понятным.

Оттого мне и страшно, потому что я не понимаю, зачем ему возиться со мной. Зачем насильно сажать в машину и везти не пойми куда.

Бросил бы на дороге. Благо, что не переехал, да еще и избавил от противного борова. Я бы была благодарна и как-нибудь бы добралась до комнаты, которую снимаю...

Но мужчина решил по-своему...

Однако я не теряю надежды и вновь пытаюсь разжалобить

Исаева, добиться, чтобы он, наконец, высадил меня.

– Отпустите меня, пожалуйста. Мне нужно домой. Меня там ждут!

Выговариваю как на духу, и мужчина сильнее сжимает руль, словно мои слова вызываю негодование.

– И кто ждет? – спрашивает чуть ухмыльнувшись.

– Ждут и все! – нервирует такая манера общения Исаева.

– Ну не сильно, видать, ждут, раз отпустили пахать на мужика, который на тебя явные виды имеет и, как ты говорила, зажимал не раз. Послушай совет взрослого дяди и развяжись. Если мужик не может защитить свою женщину, чтобы ни один другой ее не то что тронуть, посмотреть не так боялся, то это уже ни о чем.

Жесткие слова. Безапелляционные, и я не рискую признать, что ждет меня только морская свинка, которую мне сбагрила моя сокурсница, пока укатила в квартиру своего парня на совместное проживание, правда у меня оказалась аллергия о которой я не знала...

Поэтому пришлось отдавать животное бабушке – соседке через стенку, старая соседка подруга моей бабушки весьма покладистая и приютила мою неожиданную пушистого гостя. Бабушка Сима с самого начала воспринимала меня кем-то вроде племянницы. После смерти бабушки мы сблизились, поначалу было странно, что женщина спокойно входила в мою квартиру, имея свои ключи, чтобы взять из старого сундука какие-то вещи, но я быстро привыкла к этим

странностям.

Несмотря на чудной нрав, Соседка всегда помогала, а я ей. Я бегала в аптеку за ее лекарствами, а бабушка Сима иногда готовила вкусные пирожки, которыми угощала меня, а еще женщина немного глуховата, поэтому мою игру на виолончели по четыре часа в день она сносила весьма неплохо, живя за стенкой от меня.

Так что сейчас, когда Исаев дает наставления относительно взаимоотношений с мужчинами, мне становится немного смешно, потому что единственный мужчина в моей жизни – это пушистая морская свинка по прозвищу Спин.

Вот он меня точно ждет, чтобы я ему воду поменяла и еды насыпала, хотя по этому поводу переживать не стоит, баба Сима также следит за моим питомцем.

Только мое негодование подстегивают слова Исаева, и я уперто повторяю:

– Я не поеду с вами ни в какие рестораны! Это похищение!

– Советую сбавить обороты и не нагнетать, я и так не в самом лучшем расположении духа, – отрезает кавказец и резко заворачивает на парковку.

Не успеваю понять, куда именно меня привезли, мужчина выходит из машины, обходит ее и резко распахивает передо мной дверь...

Мне вдруг становится очень страшно. В мозгу вспыхивают картины одна страшнее другой, когда мужчина наклоняется и заглядывает в салон. Смотрит пристально, будто

осматривает.

И взгляд такой мужской, будто я без одежды. И вместе с тем то, как он смотрит, в этом есть что-то будоражащее, заставляющее сердце биться с перебоями.

– Не трясись, – чеканит слово, а я вдруг в себя прихожу.

Рассматриваю кавказца, наконец, начинаю подмечать детали его внешнего вида. Кашемировое пальто. Дорогой костюм, атласная черная сорочка, которая невероятно идет оливковой коже, подчеркивает экзотичность, и я не понимаю, это загар, привезенный с моря, или реальный цвет...

Себя рядом с таким мужчиной я представляю с трудом, смотрю на свою одежду в грязи и подмечаю ссадины на ладонях, тоже грязные.

Боюсь представить, в каком я сейчас виде. Вся взлохмаченная. Скорее всего, грязная, возможно, с потекшей от слез тушью...

Странно, что такой мужчина вообще позволил мне сесть в белоснежный салон автомобиля. Опускаю взгляд на свою обувь и понимаю, что мои подозрения подтвердились.

Потекшие следы и разводы от грязи...

Опять поднимаю взгляд на восточного мужчину.

– Я наследила... простите...

Вроде и не по своей воле я оказалась в шикарном авто, но вот портить имущество, пачкать своими ботинками чужое я не привыкла...

– Девочка, ты замораживаешься не теми темами, – опять

отвечает с иронией и протягивает мне руку, приглашает выйти из машины, а я медлю.

Врастаю в спинку сиденья.

– Ну хорош трухать, я тебя есть не собираюсь, – опять давит интонацией, – во всяком случае, прямо сейчас.

Понимает, что сама я не выйду, и, наконец, хватает меня и буквально вытаскивает из машины, а я в ужасе понимаю, что нога у меня продолжает пульсировать от боли и я, возможно, не смогу встать на свои две, но кавказец не отпускает меня, наоборот, опять берет меня на руки и идет куда-то в сторону огромного белоснежного здания.

Когда заворачивает за угол, я выдыхаю, потому что меня не в отель привезли, а в частную клинику...

Поднимаю взгляд на кавказца. Вблизи он еще более харизматичный и аромат его парфюма кружит голову. Не успеваю ничего понять, как оказываюсь в кресле-каталке, а мой неожиданный спаситель отдает четкие приказы персоналу, который бежит вокруг Исаева, а затем и меня увозят в кабинет, где мужчина-врач проводит обследование вплоть до рентгена.

Когда медбрат возвращает меня в кабинет, я замечаю темную макушку мужчины, который сидит перед врачом и внимательно внимает ему.

– Господин Исаев, ничего ужасного нет. Есть растяжения, несколько гематом. В том числе и старая на спине девушки, вероятно, неудачное падение. Но в целом состояние удовле-

творительное. Сейчас мы сделаем укольчик и боль утихнет, выпишу еще несколько лекарств, в основном обезболивающие. Несколько дней и у девушки все пройдет...

Еще несколько манипуляций под бдительным темным взглядом и врач улыбается, широко и светло. На такую улыбку хочется ответить так же.

– Замечательно. Нет никакого повода для беспокойства!

Киваю и бросаю взгляд по сторонам. В этом кабинете все стерильно, но он, скорее, напоминает кабинет из какого-то фильма про жизнь богатых и знаменитых.

Диван мягкий, цвета морской волны. Явно нуждается в постоянной чистке и бережном уходе. Расточительно, конечно, но я всего лишь случайный пациент и не знаю, как принято в мире Заура, где врачи принимают клиента с радушием.

Смущает то, что здесь все отличается от привычного мне обыкновенного антуража наших поликлиник.

Встречаются, конечно, и там улыбчивые и добрые люди, но их, скорее, меньшинство. В основном атмосфера отталкивающая. После пары походов желание навещаться к врачу отпадает.

– Дарья. Пошевелите, пожалуйста, стопой, мне нужно убедиться, что нет дискомфорта, – выдает врач и слегка кивает.

Я выполняю его просьбу и понимаю, что боли действительно не испытываю.

– Болит? Тянет? Давит? – продолжает вопрошать врач, на

что я лишь отрицательно качаю головой.

– Отлично. Можете встать? – спрашивает и внимательно следит за мной.

Поднимаюсь из кресла и делаю шаг. Прислушиваюсь к себе и улыбаюсь.

– Боль прошла.

Хлопает в ладоши и подмигивает.

– Ну вот, через пару ней и вовсе будете как новенькая!

– Спасибо вам, – отвечаю, чувствуя себя не в своей тарелке.

– Да что вы, всегда рад, для господина Исаева все, что угодно... – отвечает врач и как-то благодарить его мне больше не хочется.

Я перевожу взгляд на восточного мужчину, который поднимается из кресла и направляется в мою сторону.

Стоит нам поравняться, как мужчина берет меня под локоть и, не прощаясь, выходит из кабинета врача.

– Спасибо вам, – наконец, заставляю себя произнести, когда мы оказываемся на улице, – и... простите за истерику, я просто не ожидала всего этого, испугалась...

Прикусываю верхнюю губу под внимательными глазами, ожидаю, что Исаев проигнорирует мой лепет, но неожиданно мужчина касается моей щеки, проводит кончиками твердых пальцев.

– Твой долг стремительно растет, Даша.

И я не понимаю, он сейчас так шутит, подтрунивает надо

мной, или это все на полном серьезе.

– Пошли.

Опять тянет меня за собой, берет меня под локоть и выводит на улицу к машине, усаживает, захлопывая за мной дверь.

Как только Исаев садится на свое сиденье, я поворачиваюсь к нему и тихо проговариваю:

– Спасибо вам за помощь, за врача, и... я правда сильно перепугалась... и... я даже не знаю, как вас зовут...

Смотрит в мое лицо, слегка прищуривается и поясняет спокойно:

– Заур.

Чужестранное имя режет слух. С рычащими нотками, оно очень подходит этому восточному мужчине.

Я лишь улыбаюсь ему.

– Спасибо вам, Заур.

– И за что конкретно ты меня благодаришь? – забавляю я его.

– Ну, для начала за то, что не переехали меня, – мне удастся расслабиться и даже улыбнуться, пошутить, – ну и так, по мелочи. Избавление от хозяина бутика тоже требует благодарности, а еще...

Я не договариваю, мужчина резко вскидывает руку и фиксирует мою шею, тянет меня на себя и взгляд у него опять стремительно темнеет, вспыхивает.

– Я привык, чтобы меня благодарили иначе, Даша...

Говорит и даже не моргает, рассматривает меня, а я лишь губы кусаю. Бросаю на мужчину опасливые взгляды. Он сильный. И в нем чувствуется какая-то животная первобытность. Такой берет на плечо, уносит в пещеру и не отпускает, пока не насытится.

Под прицелом темного взгляда я совсем теряюсь. Не знаю, что говорить, испарина выступает на спине. Заур дезориентирует. Я не понимаю, как себя с ним вести. А он лишь смотрит, будто изучает.

– Это все, что я могу дать, – отвечаю едва слышно, голос подрагивает.

Пауза длится секунду, а затем мужчина усмехается. По-мальчишески как-то, задорно.

– И не поцелуешь в знак благодарности?

Опять не понимаю, он сейчас серьезно или шутит. А я лишь отрицательно качаю головой.

Мужчина лишь слегка надавливает мне на шею. От его руки жар идет. Он растекается по моему позвоночнику, ощущение такое, будто волна накатывает, от которой тепло становится от кончиков пальцев до кончиков волос.

– Нет.

– Интересная ты девочка, Даша. Считаю, что в рубашке родилась.

– Спасибо, – отвечаю невпопад.

– Прекращай меня благодарить...

– Да... хорошо...

– Вот и умничка.

Отвечает весомо и отпускает меня, а я на свое место отле-
таю и чуть ли не к окну прижимаюсь. Внимание этого муж-
чины какое-то тяжелое.

Становится не по себе.

– Ну так куда везти тебя, куколка? – опять задает свой
вопрос. – Адресок скажешь?

Прикусываю губу, так и хочется назвать неправильный, но
мужчина будто мысли мои читает.

– Учти, я тебя до дверей проведу и не уйду, пока ты внутрь
не войдешь.

Говорит и подмигивает, а я даже дышать забываю от ха-
ризмы этого мужчины, от того, как у него настроение меня-
ется от игривого до давящего.

– Не смотри так, малышка, у тебя все мысли на лице на-
писаны, а я не собираюсь пугать тебя, просто ты не дойдешь
с такой ногой. Врач сказал, что нужно дать стопе отдохнуть,
а завтра побежишь козочкой.

Смотрю на мужчину опасливо, но не выдерживаю, улыбка
сама появляется на моих губах. Как-то Исаев располагает к
себе, когда не рычит зверем, привлекает. Красивый мужчина.
Обаятельный. Властный. Богатый. Я даже не представляю,
почему он возится со мной, а не выбрасывает на обочине и
не едет по своим, безусловно, важным делам.

– Ну чего застыла, куколка?

– Раздумываю, называть ли адрес.

– Мне нравится, что ты не лжешь.

– Я вообще-то раздумываю над тем, сказать ли вам правду, – поясняю и сама не замечаю, как улыбаюсь шире, напряжение уходит.

Отчего-то кажется, что такой взрослый и матерый мужчина не обидит заведомо слабого.

Мелодия тем временем сменяется и салон затапливают звуки произведения Вивальди. Чувственная мелодия заставляет сердце сжаться и затонуть в стремительно темнеющем взгляде мужчины.

– Если сейчас не назовешь свой адрес, я повезу тебя к себе, – неожиданно властно заявляет мужчина и от этого заявления у меня в душе поднимается ураган, потому что глаза Исаева будто вспыхивают, он скользит взглядом по моему лицу, вниз к шее, будто замирает, рассматривая пульсирующую жилку.

Темный взгляд. Порочный. Алчный и жаждущий. С перепугу я называю правильный адрес, и кавказец вновь улыбается.

– Вот и умничка.

Больше ничего не говорит. Молчит и за дорогой следит, а я его изучаю. Будто наглядеться не могу. Хочу запечатлеть этот образ, потому что четко осознаю, нам с этим мужчиной не по пути.

Подавляющий он. Хищный. Мужественный. Харизматичный. Взгляд острый из-под пушистых ресниц, кажется, впи-

вается под кожу. Больше не выдерживаю, отворачиваюсь к окну и прислоняюсь лбом к стеклу. Прикрываю веки, чтобы хоть как-то собраться, прийти в себя и понять, что мне делать дальше.

Без зарплаты. С проблемами, о которых даже думать себе запрещаю, и с больной ногой...

Неожиданно раздается громкая трель телефона. Звонит не мой телефон, а кавказца. Мелодия такая громкая, она отдает набатом в ушах и отчего-то заставляет меня напрячься будто в ожидании чего-то страшного.

Заур отвечает на другом языке. Рубленые фразы, интонации, пропитанные гневом. Да. Точно, мужчина начинает злиться и в гневе его подавляющая харизма становится более акцентированной, а чужой язык...

Он какой-то грубый, но все же на слух ловлю также и певучие нотки. По мере того как мужчина говорит, его рука сильнее сжимает руль, а я рассматриваю его пальцы, длинные, без колец, сильные. С красивыми лунками ногтей.

Его руки не кажутся холеными, нет. Это руки мужчины, привычного к физическому труду, об этом говорит каждый миллиметр его тела, но Заур не оставляет впечатления качка. Он, скорее, жилистый, крупный от природы, как говорится, широкая кость. Он мощный в плечах. Но вместе с тем обладает какой-то грацией пантеры. Его движения обманчиво мягкие, тело, не раскачанное излишними добавками, которые принимают бодибилдеры, а по факту у которых и мыш-

цы дутые.

Здесь все иначе и сила чувствуется звериная.

Мне не по себе, когда прислушиваюсь к речи на чужом языке. Как у музыканта у меня развит слух и вот сейчас я улавливаю злость, даже ярость, и мне становится жутко, холодно, я обхватываю собственные плечи руками и смотрю на улицу.

Небо заволокло тучами, такое ощущение, что даже природа подстраивается под настроение мужчины, хмурится.

Неожиданно я чувствую едкий взгляд. Очень осязаемый, колючий, поворачиваю голову и замечаю, как Исаев рассматривает меня, буквально сверлит своими карими глазами с золотистыми прожилками.

Интересные глаза, вроде и темные, но вот это вот вкрапление золотых прожилок, которые словно оплетают зрачок, делают их глубоким и страшным сейчас.

У меня по коже мурашки бежать начинают и где-то на уровне подсознания я чувствую, что этот мужчина полон неизвестного...

В один миг он способен превратиться из обаятельного и манящего в того, кто вселяет ужас.

Разговор переходит на глухие нотки и интонации. А на лице Заура вдруг вспыхивает улыбка. Она холодная, лютая. Будто оскал. В ней он свои клыки демонстрирует крупные и белоснежные и опять у меня ассоциация со зверем, вцепившимся в глотку своего врага.

Не знаю, кто там на другом конце провода, но либо этот человек не вызывает теплых чувств у Заура, либо... сам разговор неприятен.

Пока Исаев разговаривает, его глаза скользят по мне, прищуриваются. Он словно осматривает и заставляет меня заерзать на сиденье, не отнимая ладоней от груди.

Мне кажется, что в этом взгляде проскальзывает что-то страшное, давящее, вспарывающее. Мне кажется, что я замечаю в этом взгляде отголоски желания, перемешанные с чем-то еще, очень и очень опасным.

Заур рассматривает мое лицо, опускает взгляд на мою нижнюю губу, которую я тут же прикусываю, а мужчина хмурит свои широкие темные брови. Его рука взмывает и накрывает мой подбородок, большой палец проходит под моей губой, в месте выемки, опускается на подбородок и заставляет выпустить мягкую плоть из захвата зубов.

Я замираю под этим стремительно чернеющим золотистым взглядом, а Заур улыбается еще шире, будто вызов бросает своему собеседнику, наклоняет голову к плечу и смотрит на меня так, что опять у меня сердце забывает, как биться в груди.

Злой. Но даже сейчас безумно притягательный. Я замираю, боясь пошевелиться, когда, наконец, Исаев завершает свой разговор на чужом и непонятном языке и отбрасывает телефон. Он, не мигая, смотрит на меня, не выпуская мои глаза из плена своего взгляда.

И мне отчего-то кажется, что в этом взгляде сама бездна, а потом мужчина приближает ко мне свое лицо, чтобы обдать приятным запахом ментола и чего-то пряного, густого, дурманящего и заставляющего мои рецепторы сойти с ума.

– Планы меняются, Даша...

Глава 4

– Что? – вопрос слетает с губ, а я еще не понимаю, что имеет в виду Заур, поэтому отвечаю на этот выпад скороговоркой: – Не беспокойтесь, высадите меня у обочины, я доберусь. Спасибо вам за помощь...

Улыбаюсь мягко, ясно становится, что у незнакомца возникли какие-то важные дела и нам с ним не по пути.

А Заур тем временем внимательно меня продолжает рассматривать, будто изучает. И этот взгляд заставляет меня все больше нервничать, ведь он мне сейчас не отвечает.

Резко сворачивает и останавливает машину, и чуточку выдыхаю. Заур же чуть запрокидывает голову и упирается затылком в кожаный подголовник. Смотрит на меня и уголок рта подрагивает, будто он улыбнуться хочет, или, наоборот, обнажить зубы в оскале и впиться в меня.

У меня по коже от него мурашки. От этого взгляда. От жажды, которая проскальзывает. Или это просто харизма такая, сшибающая...

Я не знаю. На меня мужчины никогда так не смотрели, так остро, плотоядно даже. Да и если быть до конца честной, таких, как Исаев, я никогда не встречала. Мы ходим по земле одной, но в разных кругах вертимся и пути наши не пересекаются.

То, что случилось сегодня – это случайность и жестокое

отношение хозяина бутика, который бросил меня под колеса автомобиля Заура.

Мне повезло, что мужчина успел сманеврировать и затормозить, иначе... думать даже не хочу о том, что могло бы быть.

– Красивая девочка с говорящим именем... – говорит, будто сам раздумывает, – есть у моего народа поверье.

– Какое? – любопытство берет верх, и я задаю опрометчивый вопрос, а Исаев молчит. Лишь смотрит. Затем тишину нарушает спокойный размеренный голос.

– Женщина, брошенная к ногам мужчины, которой он подает руку и поднимает с земли, становится его подарком...

В шоке открываю рот, а затем глупо улыбаюсь.

– Вы, верно, шутите?

А сама смотрю в вырез черной рубашки, распахнутой на груди, загорелая кожа кажется горячей, а там черный кожаный шнурок с медальоном, который я не вижу, только золотой стежок...

– Я похож на шутника? – становится уже более серьезным.

– Нет... просто это... это какие-то отголоски варварских традиций. Вы уж простите. Я не понимаю, к чему вы это вспомнили.

– Ну так слушай, девочка по имени Дарья, сегодня ты упала, считай, под мои ноги... а я протянул тебе руку и поднял с асфальта... по закону моего народа – ты теперь мне принадлежишь...

– Бред какой-то! Мы... мы ведь цивилизованные люди.
Улыбается краешком губ.

– Ты уж определись, я для тебя варвар или цивилизованный...

– Традиции, о которых говорите – варварские, а вы похожи на продвинутого человека... и... меня не бросали к вам под ноги!

– А если хорошо подумать?

Вскидывает бровь и до меня доходит, что бросили... Хозяин бутика бросил меня под колеса машины Заура, который помог мне встать...

– Выпустите меня отсюда!

Опять дергаюсь, но машина заблокирована. Поворачиваюсь и в страхе смотрю на наглого красавца.

– Не бойся, Даша. Выслушай. У меня к тебе предложение, – наконец, нарушает молчание Заур и я замираю, ожидая, что именно он мне скажет...

– Обстоятельства складываются так, что мне нужна от тебя услуга.

– Услуга? – спрашиваю ошалело, не ожидала я, что мужчина включит бизнесмена, но сейчас он становится другим. Взвешенным. Рациональным. Хватким. Больше в глазах нет игривости.

Он смотрит так, что мне опять не по себе.

– Я пока прошу, но могу и вспомнить, что перекупил твой долг, – улыбается, а у меня мороз по коже.

Становится ясно, что и история про то, что я ему принадлежу теперь по их традициям, правда, да и слова вспоминаются, как Заур хозяину бутика бросил, что мой долг теперь ему принадлежит.

Ощущение такое, что я в паутине.

– То есть у меня нет права на отказ, я правильно понимаю? – выгибаю бровь, копирую движение Исаева, и он улыбается краешком губ.

– Боюсь, у тебя действительно нет выбора, девочка. Придется согласиться. Сделка. Одна маленькая сделка... Вот что мне от тебя нужно. Дарья.

И как-то грустно становится. Странное ощущение. С одной стороны, я только что просила Заура посадить меня и оставить в покое, мечтала забыть про него, а тут...

Исаев же хмурит широкие брови и бросает на меня еще один цепкий взгляд.

– Ты поможешь мне, окажешь одну услугу, а я... я за ценой не постою и не поскуплюсь. Оплата будет достойной.

– Надо же. Вы знаете меня всего ничего. Меня обвинили в краже. Да, я ее не совершала, но откуда вам знать, что я не воровка? А вдруг. И тут решили мне довериться?

– Я никому не доверяю. Скажем так. Обстоятельства складываются так, что мне прямо сейчас нужна девушка, а ты... ты подходишь...

Опять ухмыляется, а я смотрю в темные глаза этого черта и понять не могу, что у него на уме.

– Так что вам от меня надо?! – спрашиваю запальчиво. – Только запомните, я спать с вами не буду! Ни за какие деньги!

На мгновение лицо Заура каменеет, а уже спустя мгновение мужчина откидывает голову и смеется звонко, а я на кадык его мощный смотрю, на линию шеи и широкую ключицу.

Прекращает смеяться и взгляд на меня обращает, резкое движение и Заур тянет меня на себя и я падаю на мужчину, упираюсь ладонками в его широкую грудь и ощущаю, что под шелком сорочки бугрятся мышцы, похожие на камень.

Сильный... Какой же он сильный... Такой если сожмет, то кости затрещать могут, а он ладонью по моей шее ведет, вверх к щеке, ласкает так, что у меня мурашки по коже бегут, а затем руку в волосы мои запускает и сжимает ощутимо.

Дает понять, что хозяин положения – он. Одно касание. Один взгляд. И дурман в голове от запаха, от того, что салон автомобиля вдруг кажется слишком маленьким...

А он все смотрит и пальцы скользят по моей коже в мимолетной ласке, но уже в следующее мгновение хватка усиливается, и мужчина проговаривает четко и с расстановкой:

– За деньги, Дарья, ты со мной спать не будешь. Только по доброй воле и когда сама попросишь меня о близости...

– Тогда никогда! – заявляю запальчиво, а он поднимает бровь и опять улыбается.

– Кажется, у вас принято говорить «никогда не говори ни-

когда», так ведь?

Отпускает меня так же быстро, как и схватил, переходит на деловой тон. Опять окидывает меня пристальным взглядом.

– Я предлагаю тебе, Даша, сотрудничество на выгодных условиях.

– Какое такое сотрудничество? Простите, но я вас совсем не понимаю.

Кивает, будто соглашается со мной. А сам вновь машину свою заводит и едет в неизвестном направлении.

– Куда едем? Вы так и не узнали мой адрес.

– Как я и сказал, планы поменялись. Я знаю одно неплохое место, красотка, посидим, поболтаем. У меня к тебе предложение...

– Дайте я продолжу – предложение, от которого я не смогу отказаться?! – вворачиваю фразу из фильма, но Заур лишь улыбается. Не отвечает.

Машина плавно скользит по центру и останавливается у двухэтажного здания. Здесь на парковке только автомобили премиум-класса. Дорогущие. Глянцевые. Которые блестят на солнце.

Заур сразу же выходит. Без разговоров открывает передо мной дверь и подает руку. Галантный. Лощеный. Этот мужчина вызывает трепет. Мгновение я медлю, и он сам накрывает мои пальчики, тянет из машины, и я несмело опираюсь на ногу.

Ощущения все еще не самые приятные, но радует, что ходить я все же могу. Заур захлопывает дверь, щелкает брелоком и его стрела подает сигнал.

Мужчина, не раздумывая, ведет меня в сторону парадного входа, а мне вдруг кажется, перед ним распахивается дверь, и кто-то наподобие метрдотеля в шелковом халате с восточным орнаментом почти кланяется Исаеву:

– Добрый день, Заур Фаруджевич...

Странные обычаи, и ресторан, в котором мы оказываемся, носит восточные полутона и краски...

Заур кивает на приветствие и ведет меня внутрь, а у меня на мгновение от увиденного рот открывается, подвисяю и смотрю вокруг.

Все с лоском, много золота, много красных оттенков, на стенах какие-то картины с письменами. К нам подходит девушка.

– Заур Фаруджевич, – улыбается и смотрит на Исаева практически влюбленными глазами, в то время как на меня бросает острый взгляд.

А я вспоминаю, как я выгляжу. Как жертва автокатастрофы, оказавшаяся почти под шинами автомобиля...

Сразу же становится неудобно. Я особо нигде не бываю. Ну, максимум, забегаем с ребятами в кафешку после учебы, а тут прямо вот такое вот заведение.

– Вам ваш обычный столик? – спрашивает, опять улынувшись.

А я по сторонам смотрю, изучаю. Несмотря на довольно тяжелый дизайн, это место не лишено лоска и шарма, присутствует восточный колорит в каждой детали.

– Да. Как обычно, – отвечает Заур и девушка разворачивается на сто восемьдесят градусов и идет вглубь, Исаев следует за ней и держит меня уверенно. Не сбежать.

Мы проходим в уютный уголок, здесь стеклянные двери и, когда заходим внутрь, я понимаю, что с этого места все видно как на ладони, в то время как тот, кто сидит здесь, скрыт от посторонних глаз.

Заур придерживает для меня стул.

Приглашает сесть, что я и делаю.

– Что ты будешь?

Девушка стоит и держит в руках меню. Заур его не попросил, а она мне его не выдает.

Да я бы и не взяла. Не стала бы листать при Исаеве, рыская, что бы такого заказать. У меня сейчас и кусок в горло не полезет, мягко говоря.

Пожимаю плечами, Заур же выжидает.

– Я не голодна, – отвечаю мягко, хотя с утра у меня во рту не было и крошки, но вот сейчас я точно не испытываю голода.

– Ладно. Нам чай с бергамотом и шафраном. Тарелку сладостей. Мабруме и суар для девушки.

Официантка кивает. Она не отводит восторженных глаз от Заура. В то время как на меня смотрит с явным недоволь-

СТВОМ.

Или же... ревностью?

Шокировано как-то и я списываю это на свой внешний вид. Хотя в больнице я все же провела определенное время в уборной, умываясь и приводя себя в какое-то подобие порядка. Даже немного потеряла одежду и вроде бы пятна не столь видны...

Казались не столь видными...

Но, разумеется, моя одежда не подходит этому месту, не подходит Исаеву.

На мои слова Исаев ничего не отвечает. А девушка-официантка возвращается и ставит перед нами две тарелки, на которых свернуты две салфетки.

– Можешь вытереть руки этим, – спокойно отвечает на мой вопросительный взгляд Заур и первым берет салфетку, раскатывает ее и протирает руки.

Странные традиции какие-то. Я дотрагиваюсь до тканевой салфетки и понимаю, что она не просто теплая, а горячая. Приятная на ощупь.

Следую примеру Заура, протираю руки и... это очень приятно. От салфетки идет тонкий аромат мяты. Она с одной стороны греет мои руки, а с другой будто холодит.

Очень необычное ощущение, но настолько приятное, что я на мгновение прикрываю веки и улыбаюсь.

А когда вновь открываю глаза, то замечаю, как Заур откинулся на спинку высокого стула, положил руку на подлокот-

ник и изучает меня, чуть вскинув подбородок.

Мне становится как-то не по себе, и я смущенно улыбаюсь.

– Здесь очень красиво, – проговариваю, чтобы как-то скрыть свое напряжение.

– Это место проектировал я, Даша, – выдает спокойно, а я понимаю, что Заур хозяин этого заведения...

– У вас отменный вкус, – улыбаюсь и мужчина на мгновение прищуривается. Интересная у него особенность. Словно сомневается во всем, что ему говорят.

– Неожиданно...

Опять это слово слетает с моих губ, и я с силой прикусываю нижнюю. Заур меня настолько смущает, что я все время говорю то, что думаю, и забываю вовремя захлопнуть рот.

Опять у него такое странное выражение лица проскальзывает, что мне не по себе становится.

– Благодарю, Даша, я, смотрю, удивляю тебя. То классическая музыка, которую ты не ожидаешь услышать в тачке варвара и чурбана, то проектировка ресторана... Я стесняюсь спросить, чего именно ты ожидаешь от меня...

Я не успеваю ответить, как появляется девушка. Она эффектным движением ставит на середину стола прозрачный чайник, от которого идет дивный аромат, только ставит этот самый чайник не прямо на стол, а на небольшую железную возвышенность, тем самым под чайником оказывается маленькая свеча и чай словно доходит на огне.

На стол также выставляет круглые чашки без ручек с красивым голубым орнаментом. Наблюдаю за изящными движениями официантки, за смиренно опущенной головой.

Девушка не восточная, но она словно вливается в антураж этого места на все сто процентов. На мгновение мне самой кажется, что мы сейчас с Зауром где-то на Востоке.

А его я представляю в белоснежных одеждах, которые необыкновенно идут его оливковой коже.

На столе появляется также большой круглый поднос с разнообразными сладостями. Здесь и хрустящий рулет на вид, припорошенный какой-то сладкой стружкой, скорее, даже из тонкого теста, пропитанный густым сахарным сиропом, с щедрой ореховой начинкой.

И еще много сладостей разных цветов. Одно похоже вообще на нугу с вкраплениями карамели и орехов.

Я смотрю на эту тарелку и уже по одному виду понимаю, что здесь какие-то заморские уникальные пирожные.

Девушка ставит приборы и не спешит уходить. Склонив голову, она ждет, когда Заур отпустит ее. Только вот ее кротость показушная. Я буквально виском ощущаю ее едкий взгляд.

По инерции поднимаю глаза и сталкиваюсь с ее каким-то ревнивым, завистливым взглядом.

Заур же поднимает руку и отпускает девицу, а я радуюсь, что все на столе лежит в общих блюдах и чай не разлит по чашкам. Он в чайнике, иначе я бы не притронулась ни к че-

му.

Не знаю... с таким взглядом, мне кажется, что убивают, ну или, как минимум, плюют в чашку соперницы.

Заур аккуратным движением поднимает чайник и разливает ароматный напиток по чашкам с орнаментом, тянусь, чтобы взять и сделать глоток, но мужчина меня останавливает.

– Терпение, Даша. В моей культуре это высшая добродетель. Конкретно сейчас я разлил по чашкам кипяток. Притронешься – обожжешь пальцы, выронишь чашку из рук – придется стягивать с тебя одежду, потому что может быть ожог.

– У вас чашка без ручки просто, будь там она, можно взять кончиками пальцев и подуть, охладить.

Улыбается краешком губ. Смотрит на меня пристально.

– Разность культур проскальзывает даже в мелочах. Моя учит смирению. Дай напитку настояться. Насладись ожиданием и вкусом, который раскроется по-особому в чашке. Дойдет.

Заур говорит, не отрывая взгляда от моих глаз, будто дает урок восточного послушания.

– Интересные у вас традиции, – наконец, отвечаю, не хочу показаться невежливой, и Исаев растягивает губы в странной ухмылке, когда оглушает меня, уверенно произносит:

– Скоро ты очень близко познакомишься с моими традициями, Даша...

– Вы шутите? – спрашиваю чуть, не давясь сладостью, которую жую.

Исаев не отвечает, лишь приподнимает бровь. Дает понять, что с таким мужчиной шутки плохо кончаются.

– Вернемся к моему предложению, Дарья...

– От которого я не смогу отказаться? – дублирую жест Заура и также вскидываю бровь. У нас с этим мужчиной дуэль завязывается, в которой я знаю, кто выиграет, и это не я.

Но все же не могу не дать себе возможность показать, что не слабая я.

– Именно так...

Отчего-то пробивает улыбнуться. Пожимаю плечами.

– Так чего же вы от меня хотите?

Проскальзывает по моему лицу странным взглядом. Не то, чтобы оценивающим, а, скорее, сканирующим. Будто мужчина хочет понять, чего от меня ждать, просчитывает мои шаги наперед.

– Хочу, чтобы ты стала моей.

Пауза. Затем оглушительное:

– На время.

Видимо, я не падаю только потому, что сижу. Смотрю на мужчину в полном шоке, а затем меня накрывает.

– Бред, – выдаю, отсмеявшись, но мужчина не спешит отвечать.

– У вас интересное чувство юмора, – наконец, подвожу итог нашей милой беседы, понимая, что пора закругляться.

Заур кивает своим мыслям и поднимает чашку, салютует мне, делает глоток, а я тоже понимаю, что очень хочу пить и мне жарко. Жарко находиться рядом с этим мужчиной, от которого идет огонь, харизма оглушает.

Также делаю глоток и от наслаждения вновь прикрываю веки, а когда распахиваю, чуть не роняю чашку, потому что Исаев оказывается рядом со мной. Я даже не поняла, не слышала шагов, а он подкрался зверем и его руки накрывают мои, не дают выронить и ошпариться.

Он держит мою руку, принуждает поставить чашку на стол, а сам неожиданно подается вперед и стягивает меня со стула, а затем заставляет упасть на стол, тем самым оказываясь аккуратно между моими разведенными коленками.

Все так быстро происходит, что я реагировать не успеваю, а его пальцы стягивают мои волосы на затылке, наматывает длинные пряди на кулак и глаза наши сталкиваются...

Лицо мужчины приближается и меня буквально сносит запоздалым пониманием, что Заур надвигается на меня для того, чтобы впечатать свои губы в мои...

Глава 5

Секундное замешательство. Мои широко распахнутые глаза и дыхание, которое замирает на губах. Я чувствую мужчину, каждый его мускул, жар, который идет от его тела.

Все настолько будоражит, что кровь по венам течет бурлящей лавой. И по спине мурашки. Заур наклоняется ко мне, а я приоткрываю губы. Чисто инстинкты срабатывают, за которые я готова дать себе пощечину, но Исаев в последний момент меняет траекторию и проводит носом по моей щеке, словно принюхивается, прикрывая глаза на мгновение, и шепчет мне на ухо сумму, от которой у меня голова кружиться начинает.

– Я не дамся даже за такие деньги! Я не продаю свое тело! – отвечаю и в глазах у меня жжет нестерпимо, если бы он просто наклонился и поцеловал, я не знаю, что бы было, а сейчас я просто замахиваюсь.

Опять двигаюсь на инстинктах, но мою руку перехватывают не глядя, карие глаза сцепляются с моими, а наши пальцы переплетаются и от этого резкого движения у меня сердце буквально сходит с ума в груди, потому что на лице мужчины проявляется улыбка.

Медленная. Порочная и отчего-то безумно довольная... И ощущение у меня вдруг такое рождается, будто бы проверял, хотел понять для себя что-то...

– Это оплата не за постель, а за работу...

– Тогда... тогда почему ты так меня держишь?

– Ты интересная девочка, Даша, хотел кое-что понять... –

проговаривает с жаром, а сам не отпускает, все сильнее его захват становится и меня уже несет к твердой мужской груди, где под сорочкой каменные пластины мускулов.

Теряюсь, щеки опалает жар, смущение затапливает, а мужские пальцы переплетаются с моими все сильнее, большой палец ласкает мою кожу на запястье.

– Что... что понять?! – мне кажется, я застываю будто под ледяным взглядом опасной кобры.

– Что ты подходишь. Джа-ми-и-ля...

С губ Заура срывается какое-то странное слово. Звук шипящий. Гортанный и певучие гласные следом. Незнакомый язык очень мелодичный и я как музыкант цепляю интонацию, но не успеваю сориентироваться, как Исаев проводит лаской по моей щеке, а затем... затем его губы все же впечатываются в мои...

Я до последнего думала, что кавказец шутит, что он просто проверяет что-то, но когда его губы накрывают мои, я в шоке приоткрываю рот, чем он умело пользуется, сразу же берет инициативу в свои руки и углубляет поцелуй, заставляет меня дрожать и вцепиться в сорочку мужчины, чтобы не упасть.

Меня накрывает тайфуном, сносит цунами. Его губы слишком умелые, безжалостные, они словно проверяют

грань допустимого, заставляют меня терять себя в ощущениях. Жар поднимается в каждой клеточке моего тела, кажется, что горячей волной накрывает от головы до пят и импульсами бьет в позвоночник.

В какой-то момент слышу гортанный рык, он идет резонансом, будто раздается у меня в грудной клетке, и хватка в моих волосах усиливается, а вторая мужская ладонь опускается мне на спину, заставляет практически упасть на кавказца, впечатывает в литую грудь.

Его пальцы движутся по моему телу, отдавая огнем даже сквозь одежду, Заур наклоняется ко мне сильнее и наша поза становится не просто провокационной, а порочной до невозможного. Я чувствую, насколько у него сильное тело, напряженное до предела.

Оттягивает мои волосы и всхлипываю от сладкой боли прямо в губы мужчины, когда он изгибает мою шею и поцелуй скользит вниз по подбородку, доходит до чувственного места у ключицы и я чувствую укус.

Шиплю кошкой, но Заур дует на пульсирующий участок кожи и вновь возвращается к моим губам, терзает их так, что мне кажется, у меня в легких воздух заканчивается, остается лишь запах и вкус мужчины. Он пахнет солнцем, морем, свободой.

И меня ведет настолько, что я не замечаю, как его пальцы проскальзывают по моей коже на спине, ласкают, и я вздрагиваю, когда рука мужчины накрывает старые отметины.

Сразу же прихожу в себя, пытаюсь оттолкнуть Заура, потому что накрывает паникой, страхом просто дичайшим.

Чувствует мой настрой и чуть отдаляется. Заглядывает мне в глаза, а у самого зрачки расширенные, затапливают всю золотисто-карюю радужку.

А я в шоке смотрю на взъерошенные волосы мужчины и понимаю, что сама не поняла, как зарылась пальчиками в шелк его волос, как притягивала Исаева к себе так, будто от этого зависит моя жизнь...

– Джа-ми-ля... – выдыхает жарко, нараспев и у меня сердце удар пропускает, – идеально подходишь.

Улыбается, а у меня сердце бьётся по-сумасшедшему, так как эта порочная улыбка преображает его лицо, придает ему какую-то загадочность, игривость и взгляд становится озорным.

– Подхожу для чего? – облизываю и без того мокрые губы и Заур отслеживает это движение, наклоняет голову к плечу, подобно ленивому хищнику, который лишь слегка отпустил свою добычу и теперь наблюдает за ней.

– Ты станешь моей невестой.

Выдает мужчина неожиданно резко и я чуть не падаю.

Выдыхаю жалобно:

– Что?!

Мне кажется, что я ослышалась. Быть такого не может, но кавказец опять растягивает губы и его ладонь оказывается на моей щеке, он меня ласкает.

– Мне нужно, чтобы ты сыграла для всех мою невесту.

Отвечает с расстановкой, а мне отчего-то кажется, что прикажи он мне сейчас же раздеться и продолжи он то, что начал, я была бы в меньшем шоке, чем сейчас.

– Я... не... понимаю...

Отвечаю шокированно и Заур кивает.

– Я все объясню, Даша. Но для начала запомни – я пока лишь делаю свое предложение, но шанса на отказ у тебя нет.

Заур говорит эти слова совершенно спокойно, без эмоций, а у меня холодная капелька пота по спине стекает, так как чувствую, что у меня действительно нет шансов сопротивляться и противостоять Исаеву. Он мне просто не позволит.

– Ты поедешь со мной на мою родину. Предстанешь перед моей семьей. И я назову тебя при них своей Ала-а-рус...

– Не понимаю...

– Невестой... Джамиля...

– Это сумасшествие какое-то. Вы. Вы меня не знаете! Вы... вы меня чуть не переехали и теперь по вашим традициям обязаны на мне жениться?!

Пытаюсь вырваться, слезть со стола, но Исаев не допускает этого. Стоит между моими раздвинутыми бедрами и продолжает как ни в чем не бывало вести светскую беседу.

– Меня там бросили к ногам... Я стала вашей...

– Твоей – поправляет, – мы с тобой на «ты», и ты стала моей, Джамиля, в тот самый момент, как я поднял тебя с земли. И свободной станешь только в тот миг, когда я САМ

отпущу тебя!

Чеканит слова, а пальцы уже не сжимают, они ласкают и у меня мурашки. Непонимание и дрожь... Ведет от этого мужчины, от опасности и силы, которой он обладает. Но, тем не менее, я собираюсь с силами и упрямо вскидываю подбородок.

– Вообще-то я Даша! При чем тут Джамиля какая-то?!

Меня, кажется, накрывает истерикой, я рвусь прочь от мужчины, но Заур вдруг цепляет меня за волосы, вплетает пальцы в локоны и держит так, что не выбраться, сам приближает свое лицо к моему настолько близко, что я опять вижу золотистые прожилки в его глазах.

– Прекрати истерику, девочка, у тебя нет шанса на отказ. Просто слушай и мы пойдем друг друга...

Я дышу так тяжело, будто бежала километры, кажется, что Исаев опять набросится, но нет, он лишь улыбается краешком губ и говорит:

– Тебе придется привыкнуть ко мне, Дарья, к моим привычкам, к моим губам, чтобы не шарахаться в сторону, как ты это делаешь. Я собираюсь представить тебя своей семье в качестве своей невесты. Считаю, контракт заключаем.

Немного подвисяю, до меня никак не доходит смысл сказанного.

– То есть... я буду твоей фальшивой невестой?! – вскидываю брови и меня отпускает, запрокидываю голову и начинаю хохотать. Кажется, что я в какой-то фильм угодила или

сериал, нынче очень популярна восточная линия.

У меня подружка по консерватории на просмотрах серий сидит. Наконец, заканчиваю смеяться и вытираю глаза, сталкиваясь с холодными глазами Заура.

– То есть ты хочешь насолить своей восточной семье? Я ведь не твоих кровей... вряд ли меня примут...

Выдаю фразы, и улыбка медленно сходит с моего лица, слишком уж Заур серьезен сейчас, собран. Нет и намека на того страстного мужчину, который только что так сладко терзал мои губы.

Исаев же одним грациозным движением поправляет волосы, и они вновь ложатся в идеальную прическу. Он вообще весь как с картинки журнала. Моя одежда помята и, наверное, волосы растрепаны, да еще и после падения под машину. Я чувствую себя настоящей замухрышкой рядом с этим мужчиной в дорожной брендовой одежде.

– Именно. В том и суть.

Отвечает, а я вообще прекращаю понимать что-либо. Хорошо, что мне отступать некуда, позади стол и я сижу на нем, иначе бы вновь рухнула.

Интересно, если бы Исаев меня вновь с пола поднял – это опять что-то бы означало?!

Вновь приближает ко мне свое лицо, а я начинаю дышать тяжело, когда он порочным взглядом осматривает меня с головы до пят.

– Ты – идеальна, Джамиля... – тянет непонятное обраще-

ние и глаза у него, будто у хищника, вспыхивают, который вошел в кураж и азарт.

– Идеальна для чего? – переспрашиваю. – Я не понимаю...

– Причины у меня есть поступать именно так, как я поступаю, а тебе, Даша, придется учиться традициям моей страны в ускоренном темпе.

Говорит и отходит, дает мне возможность слезть со стола, но отчего-то ноги слабеют и желание бежать куда глаза глядят, а Заур тем временем достает телефон и делает звонок.

Опять незнакомый язык и интонации, властные, повелительные. Он приказывает. Разворачивается ко мне, и я замираю. Улыбка пропала с лица Заура, глаза сверкают яростным холодным блеском, губы сжаты.

Холодный озноб проходит по спине.

Наши взгляды сталкиваются и неожиданно Исаев улыбается. И эта улыбка... Она зловещая, не сулящая ничего хорошего человеку на другом конце провода.

Заур заканчивает свой разговор. А я стою как стояла, пошевелиться боюсь, а он опять меняется, подмигивает мне и говорит совершенно обыденно:

– У тебя иностранец с собой?

– Нет, – отвечаю заторможенно.

– И не нужно, – обескураживает, – поехали.

Протягивает мне руку, а мне так и хочется закричать «Не подходи ко мне, чокнутый!», но Исаев лишает меня возможности сопротивляться.

– С места не двинусь, пока ты мне все внятно не объяснишь!

Бросает взгляд на свои дорогушие часы.

– Суть в том, что с этого момента – для всех ты моя невеста. Полетим на мою родину, представлю тебя всем, справишься со своей ролью – дальше разберемся.

Качаю отрицательно головой, но меня уже никто не слушает. Шанса на отказ нет.

– Не бойся меня, Даша, кто-то наверху решил свести наши пути. Я помог тебе, а ты поможешь мне.

С этими словами берет меня за руку и ведет к автомобилю, набирает на ходу, сыплет распоряжениями и ошеломляет фразой:

– Подготовить самолет.

Опять мчит по улицам, и я решаюсь подать голос:

– Ты вроде бы про загранник спрашивал и домой меня везти собирался...

– Как и сказал, он тебе не понадобится, – подмигивает и я отворачиваюсь, смотрю в окно. То, что происходит, для меня просто верх какой-то авантюры.

– Послушай, я не могу так срываться с места, ты даже адреса не спросил, мне вещи собрать хотя бы нужно...

– Там все куплю.

Короткий взгляд на меня.

– Твои шмотки не прокатят.

– Но ведь так нельзя! У меня своя жизнь, учеба, в конце

концов! Так нельзя!

– Все понимаю. Сам бы не хотел подобного развития, но время не терпит. В консерватории твоей, не беспокойся, проблем не будет, все улажу...

Качаю головой и прикусываю губу. Ответить ничего не могу. Слов нет.

Заур едет в сторону аэропорта. Ожидаю досмотр. Проверку документов. Вопрос про загранник, который я с собой не взяла, конечно же. Не думаю, что среднестатистический человек просыпается утром с мыслью «О, небо голубое, птицы пролетели клином. Явный знак. А возьму-ка я загранник, а то чувствую, сегодня неожиданно придется лететь на край света» и где-то внутри я тешу себя мыслью, что нас просто развернут на таможне.

Но...

Мои глаза становятся размером с блюдце, когда Исаева встречает человек в форме и проводит его совершенно иным путем и выводит на взлетную полосу, где у открытого трапа белоснежного лайнера выстроились этакой шеренгой несколько человек. Судя по всему, летчики и стюард со стюардессой, все они при виде Исаева как-то подбираются и по мере приближения кавказца здороваются.

Пока Исаев кивает и вежливо обменивается рукопожатиями, я смотрю вслед удаляющемуся человеку в форме и чуть ли не хочу кричать ему вслед.

– А... а как же досмотр?! – ошалело спрашиваю и Исаев,

удерживая меня за локоть, ведет вверх по трапу, коротко информируя:

– Его не будет.

Не верю в то, что происходит. Это напоминает похищение, правда, я не кричу, не сопротивляюсь и в общем-то мой похититель ведет себя весьма предупредительно и галантно.

У входа в самолет нас ожидает стюардесса, улыбается так, что я на мгновение подвисяю от нереальной неестественной белизны ее зубов, которые контрастируют со смугловатой кожей.

Девушка обращается к Исаеву все так же улыбаясь, но я ни слова не понимаю из ее речи. Заторможенно понимаю, что язык тот же, на котором Заур по телефону общался.

Заур же лаконично отвечает и так же, не отпуская мой локоть, проходит дальше, а там еще одна дверь, которую стюардесса сразу же распахивает.

Пройдя через эту дверь, я застываю. Будто в квартире оказываюсь. Причем элитной, дорогой.

– Вам что-нибудь принести? – интересуется все та же стюардесса, уже обращаясь ко мне на моем.

Пожимаю плечами, за меня отвечает Исаев.

– Фрукты для начала, чуть позже ланч.

Стюардесса вежливо кивает и исчезает, а я слышу, как за спиной смыкаются створки – двери.

Взглядом пробегаюсь по великолепному помещению, замечаю в углу винтовую лестницу, ведущую на второй этаж,

передо мной зона гостиной, получается, с мягкими диванами и деревянными глянцевыми столами.

Мне на миг даже хочется обувь снять, потому что по центру белоснежный ковер буквально искрит чистотой и ромбообразный орнамент опять смутно напоминает восточные штрихи, которые я уже заметила в ресторане, который принадлежит Зауру.

Стою, едва дышу, не знаю, куда себя деть, как вести. Ощущение чистейшего шока накрывает.

– Нравится? – горячее дыхание обдает ушную раковину и я улыбаюсь.

– Здесь очень красиво, – не лукавлю.

Я такие интерьеры разве что по телевизору видела. Наконец, выдыхаю и все же решаюсь снять свою убитую обувь. Наклоняюсь, чтобы расшнуроваться шнурки, в тот момент, когда Исаев делает шаг, чтобы обойти меня, и привлеченный моим движением, он разворачивается, а я поднимаю голову и замираю, оказавшись коленопреклоненной перед мужчиной.

Слишком близко Заур остановился ко мне и я почему-то бросаю взгляд на массивную пряжку на его ремне, серебряную, вздрагиваю и вместо того, чтобы опустить глаза, отчего-то ошалело мой взгляд мечется к лицу мужчины, который замирает и смотрит на меня.

Его глаза стремительно темнеют и там что-то вспыхивает. Заур стоит настолько близко, что подними я руку и моя ла-

донь опустится на мощное бедро мужчины, проскользит по дорогой ткани его брюк...

Стоп! О чем это я думаю?!

От двойственности и неправильности ситуации кровь приливает к щекам, Заур же смотрит на меня так, что мне страшно становится, жаром обдает все нутро.

– Я... я... хотела разуться, чтобы... чтобы не запачкать ковер...

Пищу не своим голосом, но восточный мужчина словно не слышит меня, как в замедленной съемке замечаю, как его ладонь опускается на мою щеку, и замираю, не знаю, чего ожидая...

Заур подобно хищнику наклоняет голову к плечу, изучая меня, окончательно заставив смутиться. Замираю в его руках. Парализует меня харизма и мощь этого мужчины. Дезориентирует.

Особенно когда его пальцы скользят по моей щеке, и подушечка большого пальца накрывает мой рот, очерчивает контур губ, слегка надавливает на нижнюю, прижимая ее к зубам.

Блезненная ласка, заставляющая вздрогнуть. Меня буквально пригибает к земле, ноги ватные, я даже двинуться не могу, как под гипнозом смотрю в красивое лицо мужчины и в его глазах что-то вспыхивает, манит, тьма там какая-то беспросветная.

Большой палец слегка проникает в мой рот, касается

язычка и во рту сразу же рецепторы с ума сходят, ощущая терпкий, дурманящий вкус мужчины.

Я помню, как меня пытались целовать другие парни, после того, как я соглашалась пойти в кино или на свидание, их касания были робкими, руки потными, а рот слюнявым.

Я пресекала любые поползновения в свою сторону, а тут...

Такая пикантная поза, развязная, вкус мужчины у меня на языке, а я... я ничего не делаю!

Негодование поднимается внутри, уже хочу вскочить и убежать в сторону, но именно в эту секунду сильная хватка впивается в мой подбородок, будто Заур меня фиксирует, затем слегка тянет вверх, заставляя подняться...

– Опасно играешь, Даша... – выдыхает хрипло и я понимаю, что эти его игрища возбудили мужчину не на шутку...

Глава 6

Пауза все длится и мне кажется, что сейчас что-то произойдет. Буквально кожей ощущаю наэлектризовавшееся пространство между нами, но именно в этот момент створка-дверь отъезжает и в салон проходит стюардесса, толкая перед собой столик, покрытый белой скатертью.

Заур отпускает меня.

– Сядь в кресло, Даша, – говорит с нажимом и я забываю про свою обувь, которую так по-дурацки порывалась снять, прыгаю в кресло и замираю.

Исаев же занимает место напротив. Стюардесса суетится рядом и спустя несколько минут извещает, что мы взлетаем. Напоминает пристегнуться, а я не могу найти ремня, девушка, улыбнувшись, помогает мне.

– Я принесу напитки после взлета, – информирует коротко Исаева и, получив утвердительный кивок, исчезает, а я вцепляюсь в подлокотники кожаного кресла и смотрю в иллюминатор.

Железная птица стремительно разгоняется и отрывается от земли, рассекает своими крыльями облака, а я смотрю, замороженная зрелищем.

– Ты летала до этого? – вопрос, заданный с легкой хрипотцой, отрезвляет и заставляет посмотреть на мужчину, который вальяжно сидит передо мной.

– Пару раз, – отвечаю тихо и Заур кивает.

Больше мы не говорим. Возникает стюардесса. Накрывает на стол, а я, раскрыв рот, смотрю на хрустальные бокалы, на сервировку стола, как в лучшем ресторане.

Я летала по стране, сидела в неудобных креслах и ела суховатый бутерброд. А здесь... здесь даже и не с чем сравнивать.

Становится страшно от размаха мужчины, к которому я умудрилась почти под машину попасть. Фактически Заур обладает большой властью, деньгами, влиянием.

Для такого человека не составит труда затерять концы и решить свою проблему с девочкой из простой семьи.

– Не кусай губы, Даша. Не люблю этого.

Вздрагиваю и опять смотрю на мужчину, который не сводит с меня глаз.

– Это... нервное, – отвечаю правдиво, кивает.

– Я понял. Контролируй себя. Иначе я воспринимаю этот жест, как предложение покусать твои губы самому.

Воздух вырывается из горла хрипом. Спина натягивается тетивой. Бросаю затравленный взгляд в сторону закрытой двери, за которой осталась стюардесса. Отслеживает мой взгляд. Опять словно мысли читает.

– Сюда никто не войдет, Даша. Даже если ты будешь кричать и молить о пощаде, никто не осмелится открыть эту дверь, пока я не дам дозволения.

Лицо Исаева – нечитаемая маска, а вот меня он, кажется,

читает как открытую книгу.

– Зачем ты пугаешь меня? – спрашиваю сухими губами и мужчина открывает бутылку с минеральной водой, наполняет мой бокал.

Как понял, что я пить хочу?!

– Я не пугаю, я ставлю в известность. Слушайся меня. Делай все, как скажу, и по окончании нашего сотрудничества я тебя озолочу в прямом смысле этого слова.

– Ты хочешь, чтобы я стала твоей рабыней? – не удерживаю язвительное предположение и Заур вскидывает бровь, на красивом лице появляется сексуальная улыбка, от которой у меня мурашки по телу бегут.

– Интересное предложение, заманчивое, но рабство отменили еще несколько веков назад, а я современный мужчина, хотя и чтущий традиции своего народа.

– Похищающий девушек?

Пожимает широченными плечами.

– Дашенька, похищают не так. Похищают с кляпом во рту, в замызганном багажнике почти бездыханное и избитое тело...

Вздрагиваю от холодных слов Заура. Становится не по себе.

– Я просто прошу от тебя покорности. Как ты поняла, я – восточный человек. Можешь списывать это на особенности моей культуры. Но. Чтобы наше сотрудничество было плодотворным и без форс-мажоров, я советую следовать несколь-

ким правилам. Первое: я говорю – ты делаешь. Без вопросов. Без всяких «но». После, если у тебя возникнут вопросы относительно того, почему я распорядился так, а не иначе, ты сможешь обсудить со мной все. Наедине.

– Ты говоришь – я делаю, – резюмирую сказанное Зауром, – а если прикажешь с моста прыгнуть? – пытаюсь свести к шутке, но золотисто-карие глаза мужчины остаются непроницаемым.

– Значит – прыгнешь. Не спрашивая.

Открываю рот в шоке, и Исаев, наконец, снисходит до объяснения.

– Уверяю тебя, Дарья, твоя жизнь – неприкосновенна и вредить тебе никто не будет, калечить тоже. Но многого ты можешь не понимать, оказавшись в чужой среде, так что опирайся на меня и знай – мое слово закон. Там, куда мы летим, иные традиции. Тебе придется с эти считаться.

Молчу и опять тянет прикусить губу, но я останавливаю себя. Заур будто опять считывает мой порыв и улыбается одобрительно.

– Правило номер два. Покорность.

– Мне кажется, это в пункте номер один было, нет? – опять язвлю, не могу воспринимать сказанное Исаевым на полном серьезе, хотя четко понимаю, что мужчина не шутит.

– Покорность. Даша. Невеста Заура Исаева на людях должна быть кроткой и послушной.

Отчего-то сердце пропускает болезненный укол. Понима-

ние, что мужчина, сидящий напротив меня, несвободен – ранит.

Неадекватное восприятие, конечно же, с моей стороны, но сделать я ничего не могу. На мгновение девушке внутри меня показалось, что между нами что-то закручивается, тяга появляется, а теперь понимание, что у этого мужчины есть другая...

– У тебя есть невеста? – спрашиваю совсем тихо, кажется, что кровь отхлынула от лица, что душа болезненно свернулась.

Заур же бросает на меня совершенно непроницаемый взгляд и кивает строго, и буквально обрушивает на меня лавину, четко произнеся:

– Да, Дарья. У меня есть невеста. Это – ты...

Уверенность в голосе мужчины зашкаливает и до меня наконец-то доходит, что Исаев не шутки шутит.

– Я представлю тебя семье в качестве моей невесты.

– Ты так легко об этом говоришь...

– Ничего сложного. И все уже решено.

Качаю головой в полном шоке.

– А как же история, предыстория, любовь, в конце концов?! Меня ведь будут спрашивать... что мне говорить?! Я тебя совсем не знаю.

– История та же. Ты чуть не попала под колеса моей машины. Я вовремя затормозил. Углубляться в подробности, что тебя обвинили в краже и фактически бросили под шины

автомобиля – не стоит. Так и познакомились. Дальше повез тебя к врачу, разговорились, сблизились на почве музыки, я пригласил тебя на чашку чая, так и закрутилось...

Улыбается, подмигивает, а я буквально дивлюсь тому, как легко этот мужчина апеллирует фактами и подтасовывает их же.

– Мы с тобой вместе недавно, но ты та женщина, увидев которую, я понял, что все. Моя. Поэтому и сделал тебе предложение. Стремительно. Быстро. У тебя не было шанса на отказ.

Шок сменяется непониманием, которое Заур читает в моих глазах.

– Не нужно лишних вопросов девочка, мне нужно, чтобы ты сыграла роль. Всего-то. Отдохнешь на юге немного, а дальше вернешься в свою жизнь и будешь богатой женщиной.

Прищуривается, а мне душно становится. Сухой разговор. Деловой. Исаев показывает свою хватку бизнесмена, а вот мне... мне отчаянно кажется, что я что-то упускаю.

За что он намерен мне заплатить огромную сумму?! Просто, чтобы сыграла роль?! Или... безусловно, есть это пресловутое «или», которое включает в себя нечто еще...

Но, разумеется, мужчина не будет отвечать ни на один мой вопрос. Сейчас у нас инструктаж, в котором мне отведено место молчаливого слушателя.

– Вопросы будем решать по мере их поступления. Сейчас

попробуй отдохнуть. Мне нужно поработать.

Достает ноутбук и утыкается в него, а я сижу и понимаю одно. Мне не дали выбора. За меня все решили. Пообещали золотые горы и все тут.

По глазам Заура понимаю, что он не тот мужчина, которого можно послушаться, да и куда я денусь с подводной лодки?! Ну ладно, не лодки, а его собственного самолета...

Боже... У этого человека свой собственный самолет! Что я могу ему противопоставить?!

Ничего.

Отворачиваюсь к иллюминатору и не замечаю, как меня укачивает. Вероятнее всего, всему виной стресс, но просыпаюсь я от прикосновения. Кто-то легонько тормошит меня за плечо.

Распахиваю глаза и встречаюсь с внимательным взглядом Заура, который спокойно информирует:

– Мы прилетели.

Помогает мне подняться из кресла. Стюардесса все так же улыбается нам и желает хорошего дня, а я ступаю за Исаевым на трап и на мгновение замираю, когда меня обдает теплым ветром, здесь явно повышенная влажность, потому что одежда сразу же прилипает к коже, а еще в воздухе ощущаю тяжелый шлейф, будто йодом пахнет.

Непривычные деревья вдали. Яркое солнце, которое слепит глаза, даже жалит, рикошетирует от белоснежной поверхности трапа.

Исаев ловит меня за локоть и ведет вниз, где нас уже ожидает черный автомобиль, рядом с которым стоит бородатый мужчина, еще один внедорожник стоит позади.

Охрана.

Водитель открывает дверь при приближении Заура и упирает взгляд в пол, стоит мне посмотреть на него.

Так странно, мне вдруг кажется, что незнакомый сотрудник Исаева обжегся, когда мои волосы увидел, распущенные и длинные.

Когда сажусь в машину, напарываюсь на внимательный взгляд Заура.

– Что тебя смутило, Даша?!

Задаёт вопрос абсолютно будничным тоном. Мы сидим в салоне, который отгорожен перегородкой от водителя. Здесь прохладный кондиционированный воздух и запах цитруса.

– Твой водитель, – отвечаю тихо, – он будто испугался меня...

Пожимаю плечами и Исаев слегка кривит левый уголок губ.

– Он испугался не тебя. Малышка. Скорее, моей реакции.

Качаю головой, не понимаю вообще, куда я вляпалась. Из огня да в полымя, кажется, так в народе говорят, но мне вот кажется, что хоть Исаев и спас меня от хозяина цветочного бутика, но вверг в еще большую пучину.

Неожиданно мужчина подается вперед и цепляет мою прядку, тянет, рассматривает, а я как замороженная смотрю

на локон, зажатый в смугловатых пальцах.

– У тебя красивые волосы, Дарья, чистое золото... А золото нужно прятать...

Качаю головой.

– Я не понимаю...

Заур опять приближает ко мне свое лицо настолько близко, что на своих губах я его жаркое дыхание чувствую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.